

**Фрагмент анализа одного случая
истерии
(1905 [1901])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

(1901, 24 января: завершение первого варианта под названием «Сновидение и истерия».)

1905 *Mschr. Psychiat. Neurol.*, т. 18 (4 и 5), октябрь и ноябрь, 285–310 и 408–467.

1909 *S. K. S. N.*, т. 2, 1–110. (1912, 2-е изд.; 1921, 3-е изд.)

1924 *G. S.*, т. 8, 1–126.

1932 *Vier Krankengeschichten*, 5–141.

1942 *G. W.*, т. 5, 161–286.

Опубликованный только в октябре и ноябре 1905 года, этот случай большей частью был описан еще в январе 1901 года, когда Фрейд работал также над последними главами книги «Психопатология обыденной жизни» (1901*b*). Некоторые указания на это, относящиеся к тому времени, содержатся в его письмах Вильгельму Флиссу (Freud, 1950*a*).

14 октября 1900 года (письмо 139) Фрейд сообщает Флиссу, что у него есть новый случай «одной восемнадцатилетней девушки». Этой девушкой, очевидно, была «Дора»; как нам известно из описания самого случая (с. 93, прим.), ее лечение завершилось примерно через три месяца, 31 декабря. В следующем месяце Фрейд описал этот случай.

25 января (письмо 140) он пишет: «Вчера закончил “Сновидение и истерию”...» (Таким первоначально было название, как мы знаем из собственного предисловия Фрейда [с. 90].) Он продолжает: «Это — фрагмент анализа истерии, в котором объяснения группируются вокруг двух сновидений, то есть, по существу, это продолжение книги о сновидении». («Толкования сновидений», 1900*a*.) «Кроме того, в нем пути разрешения истерических симптомов и взгляды на сексуально-органический фундамент целого. И все же это — самое деликатное из того, что я до сих пор написал, и будет отпугивать еще больше обычного. Но ведь исполняют свой долг и пишут не на день. Работа уже принята Циеном...» Циен был одним из издателей «Ежемесячника психиатрии и неврологии», в котором в конечном счете и появилась эта работа. Через несколько дней, 30 января (письмо 141), Фрейд пишет: «Наверное, ты не должен

быть разочарован “Сновидением и истерией”. Главное здесь — это по-прежнему психологическое, использование сновидения, некоторые особенности бессознательных мыслей. На органическое имеются лишь намеки, а именно на эрогенные зоны и на бисексуальность. Но, главное — это признано, обозначено и подготовлено для подробного изображения в другой раз. Это истерия с *tussis nervosa* и афонией, которые можно свести к характеру “сосунка”, а в борющихся между собой мыслительных процессах главную роль играет противоречие между симпатией к мужчине и симпатией к женщине». Эти выдержки свидетельствуют о том, что данная работа образует связующее звено между «Толкованием сновидений» (1900a) и «Тремя очерками по теории сексуальности» (1905d). Она написана с оглядкой на первую и предвосхищает вторую.

Таким образом, хотя Фрейд закончил работу еще в начале 1901 года и, несомненно, намеревался ее незамедлительно опубликовать, по причинам, которые не совсем нам известны, он задержал ее еще на четыре с лишним года. От Эрнеста Джонса (1962, т. II, с. 304–305) мы узнаем, что сначала (еще до того, как ее получил Циен) рукопись была направлена в «Журнал психологии и неврологии», издатель которого, Бродманн, ее, однако, вернул, очевидно, мотивируя это тем, что Фрейд разглашает врачебную тайну. Вполне возможно, что эта точка зрения оказала на Фрейда некоторое влияние, но еще более важную роль, чем соблюдение врачебных конвенций, сыграла его обеспокоенность, что, какой бы маловероятной ни была такая возможность, эта публикация могла навредить пациентке. Собственное отношение Фрейда к этой проблеме становится ясным из его предисловия (с. 87 и далее).

Насколько Фрейд переделал рукопись, прежде чем в 1905 году он отдал ее наконец в печать, мы оценить не можем. Но если судить по внутренней логике текста, то он мог внести лишь незначительные изменения. Последний раздел «Послесловия» (с. 184–186), без сомнения, был добавлен; по меньшей мере это относится также к некоторым пассажам в «Предисловии» и к отдельным сноскам. Не считая этих небольших дополнений, мы, тем не менее, имеем все основания предположить, что эта работа отражает технические методы и теоретические представления Фрейда в период непосредственно после публикации «Толкования сновидений». Может показаться сомнительным, что его теория сексуальности за много лет до появления «Трех очерков» (1905d), которые, правда, были опубликованы почти одновременно с данной работой, уже достигла столь дифференцированного уровня развития. Однако примечание 2 на с. 125 недвусмысленно подтверждает этот факт. Кроме того, тот, кто прочел письма Флиссу, знает, что значительная часть этой теории уже существовала гораздо раньше.

Странным образом в своих более поздних работах Фрейд неоднократно неправильно указывает год лечения «Доры»: вместо 1900-го — 1899-й. Эта ошибка также дважды повторяется в 1923 году в примечании, добавленном к данной работе (с. 93). И тем не менее осень 1900 года — безусловно, верная дата, поскольку, помимо вышеупомянутых доказательств, в конце работы (на с. 185) указан 1902 год.

Следующее хронологическое резюме, которое основывается на данных, приведенных при описании случая, должно помочь читателю следовать за событиями, о которых сообщается в истории болезни.

1882	Год рождения Доры.
1888 (6 лет)	Заболевание отца табесом. Семья переезжает в Б.
1889 (7 лет)	Недержание мочи.
1890 (8 лет)	Одышка.
1892 (10 лет)	Отслоение сетчатки у отца
1894 (12 лет)	Из-за приступа спутанности отец консультируется у Фрейда. Дора страдает мигренью и нервным кашлем.
1896 (14 лет)	Сцена поцелуя.
1898 (16 лет)	(Раннее лето:) Первый визит Доры к Фрейду. (Конец июня:) Сцена на озере. (Зима:) Смерть тети. Дора в Вене.
1899 (17 лет)	(Март:) Аппендицит. (Осень:) Семья переезжает из Б. в поселок, где расположена фабрика.
1900 (18 лет)	Переезд семьи в Вену. Угроза самоубийства. (С октября по декабрь:) Лечение у Фрейда.
1901	(Январь:) Описание случая.
1902	(Апрель:) Последний визит Доры к Фрейду.
1905	Публикация случая.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Решившись все же после долгой паузы подкрепить выдвинутые мною в 1895 и 1896¹ годах утверждения о патогенезе истерических симптомов и о психических процессах при истерии подробным изложением истории болезни и лечения, я не могу обойтись без этого предисловия, которое, с одной стороны, должно в разных отношениях оправдать мои действия, а с другой стороны, несколько умерить ожидания, которые они вызывают.

Разумеется, опубликовать результаты исследования, причем неожиданные и вызывающие недоверие, перепроверка которых со стороны коллег неизбежно ничего бы не дала, было рискованно. Но не меньше риска теперь, когда я делаю доступной для всеобщего обозрения часть материала, из которого я получил те результаты. В любом случае мне не избежать упрека. Если тогда он гласил, что я ничего не сообщаю о моих больных, то теперь он будет гласить, что я рассказываю о моих больных то, чего сообщать не следует. Надеюсь, что теми, кто таким способом сменит предлог для своего упрека, окажутся те же самые люди, и, капитулируя перед этими критиками, заранее признаю, что никогда не смогу избежать их упрека.

Публикация моих историй болезни остается для меня трудно-разрешимой задачей, даже если я больше уже не огорчаюсь из-за этих неразумных недоброжелателей. Отчасти эти трудности имеют технический характер, отчасти они проистекают из сущности самих условий. Если верно, что причину истерических заболеваний следует искать в интимных подробностях психосексуальной жизни больных и что истерические симптомы являются выражением их самых сокровенных вытесненных желаний, то прояснение какого-либо случая истерии не может быть ничем иным, как раскрытием этих интимных подробностей и разгадкой этих тайн. Несомненно, больные никогда бы ничего не сказали, если бы им пришло в голову,

¹ [Например, в «Этюдах об истерии» (Брейер и Фрейд, 1895) и «Об этиологии истерии» (Freud, 1896c, в данном томе с. 53).]

что существует возможность научной оценки их признаний, и точно так же несомненно, что было бы совершенно бесполезно просить у них самих позволения на публикацию. Деликатные, пожалуй, также осторожные люди при таких обстоятельствах поставили бы на передний план долг врача хранить тайну и сожалели бы, что не могут здесь ничем послужить науке. Однако я думаю, что врач берет на себя обязательства не только перед отдельными больными, но и перед наукой. Перед наукой, в сущности, означает не что иное, как перед многими другими больными, которые страдают или еще будут страдать от подобного. Публичное сообщение о том, что, как думается, известно о причине и механизме истерии, становится обязанностью, а упущение — постыдной трусостью, если только при этом можно избежать непосредственного нанесения личного вреда больному. Я думаю, что сделал все для того, чтобы исключить нанесения такого вреда моей пациентке. Мною выбран человек, судьба которого складывалась не в Вене, а в небольшом городке, расположенном на отдалении, то есть чьи личные отношения должны были быть в Вене неизвестны; с самого начала я так тщательно оберегал тайну лечения, что только один-единственный достойный всякого доверия коллега¹ мог знать о том, что девушка была моей пациенткой. После завершения лечения я еще четыре года не спешил с публикацией, пока не услышал об одной перемене в жизни пациентки, которая позволила мне предположить, что ее собственный интерес к рассказываемым здесь событиям и душевным процессам теперь мог поблекнуть. Само собой разумеется, не осталось ни одного имени, которое могло бы навести на след кого-либо из читателей, не принадлежащих к медицинскому кругу; впрочем, публикация в строго научном журнале для специалистов должна быть защитой от такого некомпетентного читателя. Естественно, я не могу воспрепятствовать тому, чтобы сама пациентка не испытала неприятного чувства, если по случайности ей попадет в руки собственная история болезни. Но она не узнает из нее ничего, что она бы уже не знала, и, возможно, задаст себе вопрос, кто другой может узнать из нее, что речь идет о ее персоне.

Я знаю, что — по крайней мере, в этом городе — имеется немало врачей, которые — и это весьма отвратительно — захотят прочесть такую историю болезни не в качестве вклада в исследование психопатологии неврозов, а как предназначенный для их увеселе-

¹ [Без сомнения, Флисс. См. с. 84.]

ния роман, в котором изображены фактические события и лишь изменены имена героев. Читателей этого рода я заверяю, что все мои истории болезни, которые будут сообщены несколько позже, будут защищены от их проницательности такими же гарантиями тайны, хотя из-за такого намерения мне придется чрезвычайно ограничить материал, имеющийся в моем распоряжении.

В этой истории болезни, в которую я внес ограничения, связанные с врачебным тактом и неблагоприятным стечением обстоятельств, со всей откровенностью обсуждаются сексуальные отношения, своими настоящими именами называются органы и функции половой жизни, и целомудренный читатель, основываясь на моем изложении, может прийти к убеждению, что я не побоялся на таком языке беседовать на эту тему с юной персоной женского пола. Наверное, я должен теперь защититься и от такого упрека? Я просто обращусь к правам гинеколога — или, скорее, к гораздо более скромному, чем эти права — и объясню это проявлением извращенной и своеобразной похотливости, если кому-то захочется предположить, что такие разговоры — хорошее средство для возбуждения или удовлетворения сексуального вожделения. Впрочем, я испытываю желание выразить свое мнение об этом несколькими заимствованными словами.

«Печально, что таким возражениям и заверениям приходится отводить место в научном труде, но не упрекайте меня за это, а вините дух времени, из-за которого мы благополучно дошли до того, что ни одна серьезная книга уже не отвечает жизни»¹.

Теперь я поделюсь, каким образом в этой истории болезни я преодолел технические трудности, связанные с представлением сообщения. Эти трудности весьма значительны для врача, который вынужден проводить шесть или восемь таких психотерапевтических лечений ежедневно и во время сеанса с больным не может даже делать записей, чтобы этим не пробудить недоверие больного и не помешать себе в осмыслении воспринимаемого материала. Для меня также остается нерешенной проблемой то, каким образом я мог бы фиксировать для сообщения историю лечения, продолжавшегося долгое время. В представленном здесь случае мне пришли на помощь два обстоятельства: во-первых, то, что продолжительность лечения не превышала трех месяцев, во-вторых, то, что объяснения сгруппировались вокруг двух — расска-

¹ R. Schmidt (1902). (В предисловии.)

занных в середине и в конце лечения — сновидений, дословный текст которых записывался непосредственно после сеанса и которые оказались надежной опорой для последующего переплетения толкований и воспоминаний. Саму историю болезни я записал по памяти только после завершения лечения, пока мое воспоминание еще было свежим, а из-за интереса к публикации — обостренным¹. Таким образом, эта запись не верна абсолютно, то есть фонографически, но она может претендовать на высокую степень достоверности. Ничего существенного в ней не изменено за исключением последовательности объяснений в некоторых местах, что сделано мною ради связности.

Теперь я отмечу то, что можно найти в этом сообщении и чего в нем недостает. Первоначально работа имела название «Сновидение и истерия», поскольку она казалась мне особенно пригодной для демонстрации того, каким образом толкование сновидений вплетается в историю лечения и как с его помощью можно добиться восполнения амнезий и объяснения симптомов. Задуманным мною публикациям по психологии неврозов я не без оснований предпослал в 1900 году кропотливый и глубокий научный трактат о сновидении², однако также и в том, как его приняли, можно увидеть, с каким все еще недостаточным пониманием коллеги относятся к подобным усилиям в настоящее время. В этом случае упрек, что мои положения из-за скудности материала не позволяют прийти к убеждению, основанному на повторной проверке, также был безосновательным, ибо каждый может привлечь для аналитического исследования свои собственные сновидения, а технику толкования снов легко изучить благодаря мною данным указаниям и примерам. Сегодня, как и тогда³, я вынужден утверждать, что неизбежной предпосылкой понимания психических процессов при истерии и других психоневрозах является углубление в проблемы сновидения и что ни у кого нет шансов продвинуться в этой области даже на несколько шагов, если он хочет избавиться себя от такой подготовительной работы. Таким образом, поскольку эта истории болезни предполагает знание толкования сновидений, ее чтение окажется чрезвычайно неудовлетворительным для каждого, кто не отвечает этому предварительному условию. Он будет лишь изумлен вместо

¹ [Вначале Фрейд хотел опубликовать эту работу сразу после ее написания. Ср. с. 84–85.]

² «Толкование сновидений» (1900a) [*Studienausgabe*, т. 2].

³ [В предисловии к первому изданию «Толкования сновидений», там же, с. 21.]

того, чтобы найти в ней искомое объяснение, и, несомненно, будет склонен проецировать причину этого изумления на автора, объявляемого фантазером. В действительности такое изумление связано с проявлениями самого невроза; оно скрыто от нас лишь нашей врачебной привычкой и вновь обнаруживает себя при попытке объяснения. Полностью его устранить можно было бы только в том случае, если бы удалось всецело вывести невроз из обстоятельств, которые нам уже стали известны. Но все говорит о том, что в результате изучения невроза мы, напротив, испытаем импульс допустить много нового, которое затем постепенно может стать предметом надежных знаний. Новое же всегда вызывало изумление и сопротивление.

Ошибками было бы думать, что сновидения и их толкование во всех психоанализах занимают такое же исключительное место, как в этом примере.

Если данная история болезни выглядит предпочтительной с точки зрения использования сновидений, то в других пунктах она оказалась более скудной, чем мне бы этого хотелось. Но ее недостатки связаны как раз с теми условиями, которым она обязана возможностью своей публикации. Я уже говорил, что не сумел бы справиться с материалом истории лечения, которая тянется более года. Эту же всего лишь трехмесячную историю можно окинуть взглядом и вспомнить; но ее результаты остались неполными в нескольких отношениях. Лечение не было доведено до поставленной цели, а прервалось по желанию пациентки, когда был достигнут определенный пункт. К этому времени за некоторые загадки заболевания мы еще совсем не брались, другие прояснили только не полностью, тогда как продолжение работы, несомненно, позволило бы продвигаться по всем пунктам вплоть до последнего возможного объяснения. Поэтому я могу здесь предложить только фрагмент анализа.

Быть может, читатель, знакомый с техникой анализа, изложенной в «Этюдах об истерии» [1895d], удивится тому, что за три месяца не нашлось возможности довести до их полного разрешения хотя бы те симптомы, за устранение которых мы взялись. Но это станет понятным, если я сообщу, что со времени «Этюд» психоаналитическая техника коренным образом изменилась. В то время в своей работе мы исходили из симптомов и ставили целью их последовательное устранение. С тех пор я отказался от этой техники, поскольку счел ее совершенно не отвечающей более тонкой структуре неврозов. Теперь я позволяю самому больному определять тему ежедневной работы и, следовательно, исхожу из соответ-

ствующей поверхности, которая привлекает его внимание к бессознательному. Но тогда то, что связано с устранением симптома, я получаю разделенным на части, вплетенным в различные взаимосвязи и распределенным на периоды времени, отстоящие далеко друг от друга. Несмотря на этот кажущийся недостаток, новая техника во многом превосходит старую и, безусловно, является единственно возможной.

Ввиду неполноты моих аналитических результатов мне не оставалось ничего другого, как последовать примеру тех исследователей, которым посчастливилось из вековых захоронений извлечь на свет дня бесценные, хотя и искаленные, остатки древности. Я дополнил незавершенное по лучшим образцам, известным мне их других анализов, но, подобно добросовестному археологу, я не упустил случая показать, где моя конструкция смыкается с достоверным.

Неполноту другого рода я преднамеренно создал сам. То есть работу по толкованию, которую нужно было произвести с мыслями и сообщениями больной, в целом я не представил, а изложил только ее результаты. Таким образом, техника аналитической работы, если не считать толкования сновидений, была раскрыта лишь в немногих местах. В данной истории болезни я хотел показать детерминацию симптомов и внутреннее строение невротического заболевания; если бы я одновременно попытался выполнить и другие задачи, то это лишь создало бы неустранимую путаницу. Для обоснования технических, большей частью эмпирически найденных правил, пожалуй, нужно было бы собрать материал из нескольких историй лечения. Между тем сокращение, связанное с сокрытием техники, в данном случае можно считать не очень значительным. Как раз о самой трудной части технической работы с этой больной вопрос не стоял, поскольку момент «переноса», о котором идет речь в конце истории болезни [см. с. 180 и далее], во время короткого лечения не затрагивался.

За третьего рода неполноту данного сообщения не несут ответственности ни больная, ни автор. Напротив, само собой разумеется, что одна-единственная история болезни, даже если бы она была завершена и не вызывала никаких сомнений, не может дать ответа на все вопросы, возникающие в связи с проблемой истерии. Она не может познакомить со всеми типами заболевания, всеми формами внутренней структуры невроза, всеми возможными при истерии видами взаимосвязи между психическим и соматическим. По справедливости от одного случая и нельзя требовать большего, чем он в состоянии

дать. Также и тот, кто до сих пор не желал верить во всеобщую и не знающую исключений психосексуальную этиологию истерии, едва ли приобретет это убеждение, ознакомившись с одной историей болезни. В лучшем случае он отложит свое суждение до тех пор, пока собственной работой не обретет право на убеждение¹.

¹ [Дополнение, сделанное в 1923 году:] Лечение, о котором здесь сообщается, было прервано 31 декабря 1899 года [на самом деле — 2000], отчет о нем написан в течение двух последующих недель, но опубликован только в 1905 году. Нельзя ожидать, что больше чем за два с лишним десятилетия продолжавшейся работы не должно было ничего измениться в понимании и изложении такого случая болезни, но было бы явно бессмысленно исправлениями и расширениями доводить эту историю болезни «*up to date*» [до современного уровня (англ.). — *Примечание переводчика.*], приспособливая ее к сегодняшнему состоянию нашего знания. Таким образом, я оставил ее, по существу, нетронутой, а в ее тексте только исправил небрежности и неточности, на которые обратили мое внимание мои превосходные английские переводчики мистер и миссис Стрейчи. То, что мне показалось допустимым критически дополнить, я поместил в этих дополнениях к истории болезни, так что читатель вправе считать, что я и сегодня твердо придерживаюсь представленных в тексте взглядов, если в дополнениях он не найдет расхождений с ними. Проблема сохранения врачебной тайны, которая занимает меня в этом предисловии, не рассматривается в других историях болезни этого тома [см. ниже], ибо три из них опубликованы с согласия лиц, проходивших лечение, у маленького Ганса — с согласия отца, а в одном же случае (Шребера) объектом анализа является, собственно, не человек, а принадлежащая ему книга. В случае Доры тайна оберегалась вплоть до нынешнего года. Недавно я услышал, что давно исчезнувшая из моего поля зрения, а теперь вновь заблуждавшая по другим причинам женщина открыла своему врачу, что девушкой была объектом моего анализа, и это сообщение позволило сведущему коллеге легко узнать в ней Дору из 1899 года [опять-таки правильно должен был бы быть указан 1900 год]. То, что три месяца тогдашнего лечения не принесли большего, чем разрешение тогдашнего конфликта, что оно не сумело оставить после себя также защиты от последующих заболеваний, ни один справедливо мыслящий человек не поставит в упрек аналитической терапии.

[Это примечание впервые встречается в восьмом томе «Собрания сочинений» Фрейда, в который включены пять подробных описания случаев, а именно, помимо данного, упомянутые в сноске случаи «маленького Ганса» (1909b), Шребера (1911c), «Крысина» (1909d) и «Волкова (1918b). О дальнейшей судьбе Доры см. статью Феликса Дойча (1957).]

I БОЛЕЗНЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

После того как в моей опубликованной в 1900 году книге «Толкование сновидений» я доказал, что сновидения в целом доступны истолкованию и что после завершённой работы по толкованию они могут заменяться безупречно оформленными мыслями, вводимыми в известных местах в душевную взаимосвязь, я хотел бы на последующих страницах привести пример того единственного практического применения, которое, по-видимому, допускает искусство толкования снов. В моей книге¹ я уже упоминал, каким образом я вышел на проблему сновидений. Я обнаружил ее на своем пути, когда пытался лечить психоневрозы с помощью особого метода психотерапии, в котором больные среди прочих событий из их душевной жизни сообщали мне сновидения, по-видимому, стремившиеся к включению в давно созданную взаимосвязь между симптомом недуга и патогенной идеей. Тогда я и научился тому, как нужно переводить язык сновидения на понятный безо всякого дальнейшего содействия способ выражения, присущий языку нашего мышления. Это знание — смею утверждать — необходимо для психоаналитика, ибо сновидение представляет собой один из путей, по которым может достигнуть сознания тот психический материал, который в силу противодействия, вызываемого его содержанием, изолировался от сознания, вытиснился и тем самым стал патогенным. Короче говоря, сновидение — это один из *окольных путей для обхода вытеснения*, одно из основных средств так называемого косвенного способа выражения в психике. То, каким образом толкование сновидений вмещивается в работу анализа, должен теперь показать данный фрагмент из истории лечения одной истерической девушки. Одновременно он должен дать мне возможность впервые публично представить часть моих взглядов на психические процессы и органические условия истерии с уже не вызывающей недоразумений обстоятельностью. Пожалуй, мне не нужно больше извиняться за такую обстоятельность, с тех пор как признается, что за огромными требованиями, которые истерия предъявляет врачу и исследователю, можно угнаться лишь путем самого заинтересованного углубле-

¹ «Толкование сновидений» (1900а), глава II [*Studienausgabe*, т. 2, с. 120 и далее].

ния в проблему, но не самонадеянного пренебрежения к ней. Разумеется:

Здесь мало знания и умения —

Здесь ты не обойдешься без терпенья¹

Предпосылать не имеющую пробелов и завершённую историю болезни означало бы заранее помещать читателя в совершенно иные условия, чем те, в которых находился наблюдающий врач. То, что сообщает родственники больного — в данном случае отец 18-летней девушки, — чаще всего представляет собой весьма непонятную картину течения болезни. Хотя я затем начинаю лечение с просьбы рассказать мне всю историю болезни и жизни, то, что я слышу в ответ, по-прежнему еще недостаточно для ориентации. Этот первый рассказ можно сравнить с несудоходной рекой, русло которой то уложено горами скал, то разделено песчаными отмелями и становится неглубоким. Я могу лишь удивляться тому, как у некоторых авторов появляются гладкие и точные истории болезней истериков. В действительности больные не способны давать о себе подобные сведения. Правда, они могут в достаточной мере и связно информировать врача о том или ином времени жизни, но затем наступает другой период, когда их сведения становятся поверхностными и оставляют пробелы и загадки, а в другой раз снова сталкиваешься с совершенно темными отрезками времени, которые нельзя прояснить никаким пригодным сообщением. Взаимосвязи, также и мнимые, большей частью разорваны, последовательность различных событий неопределенна; во время самого рассказа больной по нескольку раз корректирует сведения, дату, чтобы затем после долгих колебаний вернуться, к примеру, к первому высказыванию. Неспособность больных к упорядоченному изложению своих биографий, если они совпадают с историями болезни, не только характерна для невроза² — она не лишена также и большого теоретического

¹ [«Фауст», часть I, 6-я сцена, перевод Н. Холодковского.]

² Однажды один мой коллега направил ко мне для психотерапевтического лечения свою сестру, которая, как он сказал, несколько лет безуспешно лечилась от истерии (боль и нарушения ходьбы). Казалось, эта краткая информация вполне согласовывалась с диагнозом; на первом сеансе я попросил саму больную рассказать свою историю. Когда этот рассказ, несмотря на удивительные события, на которые он намекал, оказался совершенно ясным и упорядоченным, я сказал себе, что этот случай не может быть истерией, и непосредственно после этого провел тщательное физическое обследование. Результатом был диагноз умеренно прогрессирующей сухотки спинного мозга, которая затем претерпела значительное улучшение благодаря ртутным инъекциям (Ol. cinereum, проведенным профессором Лангом).

значения. Этот недостаток имеет, собственно, следующие обоснования. Во-первых, больная сознательно и намеренно скрывает часть того, что ей хорошо известно и что она должна была рассказать, по не преодоленным еще мотивам робости и стыда (такта, если затрагиваются другие люди); это — компонент сознательной неискренности. Во-вторых, часть ее анамнестических сведений, которыми больная обычно располагает, пропускается во время этого рассказа безо всякого сознательного умысла; это — компонент бессознательной неискренности. В-третьих, всегда имеются действительные амнезии, провалы памяти, в которые попали не только старые, но и даже совсем свежие воспоминания, и ложные воспоминания, которые вторично образовались для заполнения этих пробелов¹. Там, где сами события сохранились в памяти, намерение, лежащее в основе амнезии, столь же надежно достигается посредством устранения взаимосвязи, а взаимосвязь надежнее всего разрывается, когда меняется хронологический порядок событий. Последний всегда также оказывается и самой уязвимой, чаще всего подвергающейся вытеснению составной частью в кладовой памяти. Некоторые воспоминания находятся, так сказать, в первой стадии вытеснения, они проявляются обремененные сомнением. Через какое-то время это сомнение заменилось бы забыванием или ложным воспоминанием².

Такое состояние воспоминаний, относящихся к истории болезни, является неизбежным, *теоретически предполагаемым коррелятом* симптомов болезни. Затем в ходе лечения больной возмещает то, что он скрывал или что ему не приходило на ум, хотя он всегда знал об этом. Ложные воспоминания оказываются непрочными, пробелы в воспоминании заполняются. Только в конце лечения можно окинуть взглядом последовательную, понятную и лишнюю пропусков историю болезни. Если практическая цель

¹ Амнезии и ложные воспоминания находятся в комплементарных отношениях друг к другу. Там, где выявляются большие пробелы в памяти, встречается не так много ложных воспоминаний. И наоборот, последние, по-видимому, могут полностью скрывать наличие амнезий.

² При изложении, сопровождающемся сомнениями, — учит правило, полученное на опыте, — полностью отрешись от этого высказанного суждения рассказчика. При изложении, колеблющемся между двумя трактовками, первая, скорее всего, окажется верной, вторая — продуктом вытеснения. [Ср. обсуждение сомнения в связи со сновидениями в «Толковании сновидений» (1900a), *Studienausgabe*, т. 2, с. 494 и далее). О совершенно ином механизме сомнения при неврозе навязчивости см. случай «Крысына» (1909d, часть II, раздел В; *Studienausgabe*, т. 7, с. 97 и далее).]

лечения состоит в том, чтобы устранить всевозможные симптомы и заменить их осознанными мыслями, то в качестве другой, теоретической, цели можно поставить задачу излечить больного от всех нарушений памяти. Обе цели совпадают; если достигнута одна, то достигается и другая; один и тот же путь ведет к ним обоим.

Из природы вещей, которые образуют материал психоанализа, следует, что в наших историях болезней мы должны уделять такое же внимание чисто человеческим и социальным отношениям больных, как и соматическим данным и симптомам болезни. Прежде всего наш интерес обращается к семейным отношениям больных, а также, как это будет показано, к другим отношениям, если только они связаны с исследуемой наследственностью.

Семейный круг 18-летней пациентки помимо самой ее охватывал родителей и старшего на полтора года брата. Главной фигурой в семье был отец — благодаря как своему интеллекту и свойствам характера, так и условиям его жизни, которые послужили остоном для истории детства и болезни пациентки. В то время, когда я приступил к лечению девушки, это был зажиточный крупный промышленник, мужчина в возрасте около пятидесяти лет, обладавший незаурядными способностями и энергией. Дочь была нежно к нему привязана, а из-за рано пробудившейся у нее критики тем более была шокирована некоторыми его поступками и особенностями характера.

Кроме того, эта нежность усиливалась из-за многочисленных тяжелых заболеваний, которым был подвержен отец с тех пор, как пошел шестой год ее жизни. В то время его заболевание туберкулезом стало поводом к переезду семьи в небольшой, климатически более благоприятный город в одной из наших южных провинций; легочная болезнь тут же пошла на убыль, но из-за необходимой предосторожности этот городок, который я буду называть Б., в последующие приблизительно десять лет оставался основным местом проживания как родителей, так и детей. Отец, когда чувствовал себя хорошо, иногда уезжал, чтобы посетить свои фабрики; в середине лета подыскивался высокогорный курорт.

Когда девочке было лет десять, из-за отслоения сетчатки отцу понадобилось лечение темнотой. Следствием этого случая болезни стало непреходящее ограничение зрения. Самое серьезное заболевание случилось примерно два года спустя; оно состояло в приступе спутанности, к которому добавились проявления паралича и легкие психические расстройства. Один из друзей больного, роль ко-

того еще будет нас занимать позднее [см. с. 106, прим. 3], побудил тогда едва поправившегося отца поехать вместе со своим врачом в Вену, чтобы проконсультироваться у меня. Некоторое время я колебался, не следовало ли мне допустить у него табетический паралич, но затем решился поставить диагноз диффузного сосудистого поражения, и после того как больной признался в специфической инфекции до брака, предпринял энергичное противосифилитическое лечение, в результате которого все сохранившиеся нарушения были устранены. Пожалуй, этому удачному вмешательству я обязан тем, что четырем годами позднее отец представил мне свою дочь, ставшую явно невротичной, а еще через два года направил ее ко мне для психотерапевтического лечения.

Между тем я также познакомился в Вене со старшей сестрой пациента, у которой пришлось признать тяжелую форму психоневроза без характерных истерических симптомов. Эта женщина умерла от не совсем проясненных явлений быстро прогрессирующего маразма, прожив жизнь в несчастливом браке.

Старший брат пациента, которого мне иногда доводилось видеть, был ипохондрическим по складу характера холостяком.

Девушка, ставшая в восемнадцать лет моей пациенткой, с давних времен своими симпатиями была на стороне семейства отца и с тех пор, как заболела сама, видела образец для себя в упомянутой тете. Для меня также было несомненно, что как по своей одаренности и раннему интеллектуальному развитию, так и по болезненной предрасположенности она принадлежала этому семейству. С матерью я не познакомился. По сведениям, полученным от отца и девушки, у меня создалось впечатление, что она была малообразованной, но — главное — неумной женщиной, которая, особенно после заболевания и последующего отчуждения своего мужа, сосредоточила все свои интересы на домашнем хозяйстве и, таким образом, представляла собой картину того, что можно назвать «психозом домохозяйки». Нисколько не понимая живых интересов своих детей, она все дни напролет занималась уборкой и поддержанием в чистоте квартиры, мебели и приборов, из-за чего использовать их и получать от этого удовольствие было практически невозможно. Нельзя не заметить, что это состояние, признаки которого довольно часто встречаются у обычных домохозяек, напоминает формы навязчивого умывания и других видов навязчивости, связанной с чистоплотностью; однако у таких женщин, как и у матери нашей пациентки, полностью отсутствует сознание болезни и тем самым важный признак «невроза навязчи-

вости». Отношения между матерью и дочерью уже много лет были очень недружелюбными. Дочь не замечала матери, резко критиковала ее и полностью избегала ее влияния¹.

Единственный, старший на полтора года брат девушки в ранние годы был для нее образцом, на который было устремлено ее честолюбие. Отношения между братом и сестрой в последние годы охладели. Молодой человек пытался по возможности избегать семейных неурядиц; если же ему приходилось за кого-либо заступаться, то он вставал на сторону матери. Таким образом, обычная сексуальная притягательность отца и дочери, с одной стороны, матери и сына — с другой, сближала их еще больше.

Наша пациентка, которую впредь я буду называть Дорой, уже в возрасте восьми лет обнаружила нервные симптомы. Она заболела тогда непрерывной, приступообразно усиливавшейся одышкой, которая впервые возникла после небольшой горной прогулки и поэтому была отнесена на счет переутомления. Это состояние в течение полугода постепенно прошло благодаря рекомендованному ей покою и шадящему режиму. Домашний врач, по-видимому, несколько не сомневался в диагнозе чисто нервного расстройства и исключении органических причин диспноэ, но, очевидно, считал

¹ Хотя я не придерживаюсь точки зрения, что единственной причиной в этиологии истерии является наследственность, мне все же не хотелось бы в связи с ранними публикациями (1896), в которых я оспариваю вышеупомянутый тезис, произвести впечатление, будто я недооценивал наследственность в этиологии истерии, или считал, что без нее вообще можно обойтись. В случае нашей пациентки из того, что сообщалось об отце и его сестре, выявляется довольно серьезная болезненная отягощенность; более того, кто полагает, что болезненные состояния, такие, как у матери, невозможны без наследственной предрасположенности, может объявить наследственность в этом случае конвергентной. Для наследственной или, лучше сказать, конституциональной предрасположенности девушки мне кажется более важным другой момент. Я уже упоминал, что до брака отец перенес сифилис. Поразительно большой процент больных, проходивших у меня психоаналитическое лечение, имели отцов, которые страдали сухоткой спинного мозга или параличом. Вследствие новизны моего терапевтического метода мне достаются только самые тяжелые больные, которые уже многие годы лечились без какого-либо успеха. Будучи приверженцем учения о наследственности Фурнье, сухотку спинного мозга или паралич родителя можно принять за указание на имевшуюся сифилитическую инфекцию, которая у этих больных в ряде случаев была непосредственно установлена мною. В последней дискуссии о потомстве сифилитиков (XIII Международный медицинский конгресс в Париже, 2–9 августа 1900 года, доклады Фингера, Тарновски, Жюльена и др.) я отметил отсутствие упоминаний о факте, признать который заставляет меня мой опыт невропатолога: сифилис родителей вполне можно принимать во внимание в качестве этиологического фактора невропатической конституции детей.

такой диагноз совместимым с этиологическим моментом переутомления¹.

Малышка перенесла обычные детские инфекционные болезни без каких-либо осложнений. Как она (с символизирующим намерением! [ср. с. 151, прим.]) рассказала, сначала обычно заболел ее брат, болезнь которого протекала легко, после чего следовало ее заболевание с тяжелыми проявлениями. В двенадцатилетнем возрасте у нее возникли похожие на мигрень, односторонние головные боли и приступы нервного кашля, вначале проявлявшиеся одновременно, пока оба симптома не разделились и не претерпели разное развитие. Мигрени стали более редкими и в шестнадцать лет исчезли полностью. Приступы *tussis nervosa*², которым, по-видимому, дал толчок обычный катар, сохранялись все время. Когда в восемнадцать лет Дора пришла лечиться ко мне, она все последнее время характерным образом кашляла. Число этих приступов нельзя было установить, продолжительность их составляла от трех до пяти недель, однажды даже несколько месяцев. В первой половине такого приступа — во всяком случае в последние годы — наиболее тягостным симптомом было полное отсутствие голоса. Диагноз — в том смысле, что речь снова шла о нервозности — был давно установлен; разнообразные употребительные виды лечения, в том числе гидротерапия и локальная электризация, оставались безуспешными. Ребенок, выросший в таких условиях, превратился в зрелую, очень самостоятельную в суждениях девушку, привыкшую поднимать на смех усилия врачей и в конце концов отказавшуюся от врачебной помощи. Впрочем, она уже с давних пор противилась обращаться за советом к врачу, хотя к персоне их домашнего доктора не испытывала никакой антипатии. Всякое предложение проконсультироваться у нового врача вызывало ее сопротивление, и ко мне тоже ее заставило прийти только властное слово отца.

Впервые я увидел ее в шестнадцать лет в начале лета, обремененную кашлем и хрипотой, и уже тогда предложил психическое лечение, от которого затем отказались, когда также и этот несколько дольше затянувшийся приступ спонтанно прошел. Зимой следующего года после смерти своей любимой тети она жила в Вене в доме дяди и его дочери и заболела лихорадкой; это болезненное состояние было диагностировано тогда как воспаление слепой кишки³. Этой же осенью вся их семья окончательно покинула курорт Б.,

¹ О вероятном поводе этого первого заболевания см. ниже.

² [Нервного кашля (лат.). — *Примечание переводчика.*]

³ См. в связи с этим анализ второго сновидения [с. 168].

поскольку, по всей видимости, это позволяло здоровье отца; вначале она переехала в городок, где находилась фабрика отца, а годом позже надолго поселилась в Вене.

Тем временем Дора выросла в цветущую девушку с интеллигентными и приятными чертами лица, доставлявшую, однако, своим родителям много хлопот. Главной особенностью ее болезни стали дурное настроение и изменение характера. Она явно была недовольна ни собой, ни близкими, недружелюбно обращалась с отцом и совсем не выносила матери, которая хотела во что бы то ни стало привлечь ее к домашним делам. Она старалась избегать общения; насколько это могли позволить усталость и рассеянность, на которые она жаловалась, Дора слушала лекции для дам и занималась более серьезной учебой. Однажды родители были повергнуты в ужас письмом, найденном на письменном столе (или в столе) девушки, в котором она прощалась с ними, потому что не могла больше выносить такой жизни¹. Хотя благодаря своей немалой проницательности отец сумел догадаться, что девушкой не завладело серьезное намерение совершить самоубийство, он все же был потрясен, и когда однажды после незначительной перепалки между отцом и дочерью у последней случился первый приступ с потерей сознания², о котором она затем не помнила, было решено, несмотря на ее сопротивление, направить ее ко мне на лечение.

История болезни, которую я до сих пор описывал, наверное, в целом кажется не заслуживающей сообщения. «*Petite hystérie*»³ вместе с самыми обыденными соматическими и психическими симптомами: диспноэ, *tussis nervosa*, афония, ну, может быть, еще мигрени, кроме того, дурное настроение, истерическая неуживчивость и, вероятно, не задуманное всерьез *taedium vitae*⁴. Несомненно, были опу-

¹ Это лечение и вместе с ним мое понимание взаимосвязей истории болезни, как я уже сообщал, осталось фрагментарным. Поэтому по некоторым пунктам я не могу дать никаких сведений или пользуюсь лишь намеками и предположениями. Когда на одном из сеансов речь зашла об этом письме, девушка удивленно спросила: «Как же они нашли письмо? Ведь оно было заперто на ключ в моем письменном столе». Но поскольку ей было известно, что родители прочитали этот набросок прощального письма, я делаю вывод, что она сама его им подбросила.

² Я полагаю, что в этом приступе можно было также наблюдать судороги и делирий. Но поскольку анализ не дошел и до этого события, я не располагаю каким-либо надежным воспоминанием о нем.

³ [Малая истерия (фр.). — *Примечание переводчика.*]

⁴ [Лишение жизни (лат.). — *Примечание переводчика.*]

ликованы более интересные истории болезни истериков и очень часто более тщательно записанные, ибо также никаких стигм кожной чувствительности, ограничений поля зрения и тому подобного в продолжении не обнаружится. Я только позволю себе замечание, что все эти коллекции редких и удивительных феноменов при истерии не многим способствовали познанию этого по-прежнему загадочного заболевания. Что нам требуется, так это как раз объяснение самых обычных случаев и типичных, чаще всего встречающихся их симптомов. Я был бы удовлетворен, если бы обстоятельства позволили мне на этом примере малой истерии дать им полное объяснение. Исходя из своего опыта лечения других больных я не сомневаюсь в том, что моих аналитических средств для этого было бы достаточно.

В 1896 году, вскоре после публикации моих с доктором Й. Брейером «Этюдов об истерии» [1895d] я спросил мнение одного выдающегося коллеги о представленной в них психологической теории истерии. Он ответил без обиняков, что считает ее неправомерным обобщением выводов, которые могут быть справедливы только в отношении отдельных немногочисленных случаев. С тех пор я наблюдал многие случаи истерии, каждым из них занимался днями, неделями или годами и ни разу не было так, чтобы в них отсутствовали те психические условия, которые постулированы в «Этюдах»: психическая травма, конфликт аффектов и, как я добавил в последующих публикациях, влияние сексуальной сферы. Конечно, в этих вещах, ставших патогенными из-за их стремления к сокрытию, нельзя ожидать, что больные откроют их врачу, или довольствоваться первым «Нет», которое противопоставляется исследованию¹.

В работе с моей пациенткой Дорой я был благодарен уже не раз упоминавшейся пронизательности отца за то, что мне не требовалось самому искать связь заболевания с жизненными событиями, во

¹ Вот пример последнего. Один из моих венских коллег, чья убежденность в несущественности сексуальных моментов для истерии из-за такого опыта, наверное, очень упрочилась, решился в работе с четырнадцатилетней девочкой, страдавшей опасной истерической рвотой, задать неприятный вопрос, не имела ли она любовную связь. Ребенок ответил «нет», наверное, с хорошо разыгранным удивлением и в своей непочтительной манере рассказал об этом матери: «Подумай только, этот дурак меня спросил, не влюблена ли я». Затем она пришла ко мне на лечение и призналась — конечно, не сразу в первой беседе, — что многие годы занимается мастурбацией и страдает интенсивными *fluor albus* [белями (лат.). — *Примечание переводчика.*] (во многом похожими на рвоту). В конце концов она сама отучилась от мастурбации, но в период абстиненции она мучилась сильнейшим чувством вины, а потому все беды, которые постигли семью,

всяком случае, если говорить о последнем проявлении болезни. Отец рассказал мне, что он, как и его семья, в городе Б. тесно сблизилась с одной супружеской парой, которая проживала там уже несколько лет. Госпожа К. заботилась об отце во время его тяжелой болезни и этим завоевала непреходящее право на его благодарность. Господин К. всегда был очень любезен с его дочерью Дорой, совершал с ней прогулки, когда бывал в Б., делал ей небольшие подарки, но никто не находил в этом чего-то дурного. Дора самым заботливым образом ухаживала за двумя маленькими детьми супружеской пары К., словно заменяя им мать. Когда отец и дочь посетили меня летом два года назад, они как раз собирались в поездку к господину и госпоже К., которые проводили летний отпуск на одном из наших альпийских озер. Дора должна была пару недель погостить в доме К., а отец хотел через несколько дней вернуться. В эти дни господин К. тоже присутствовал. Но когда отец готовился к отъезду, девушка вдруг с необычайной решимостью заявила, что поедет с ним, и действительно настояла на своем. Только через несколько дней она дала объяснение своему странному поведению, рассказав матери, чтобы заручиться дальнейшей поддержкой отца, что господин К. на одной из прогулок по озеру осмелился сделать ей любовное предложение. Обвиняемый, у которого при следующей встрече отец и дядя потребовали! объяснений, самым убедительным образом отрицал какие-либо поступки со своей стороны, заслуживавшие такого истолкования, и начал подозревать девушку, которая, по рассказам госпожи К., проявляла интерес лишь к сексуальным вещам и даже читала в их доме на озере «Физиологию любви» Мантегаццы и подобные книги. Вероятно, разгоряченная таким чтением, она «вообразила» себе всю эту сцену, о которой рассказывает.

«Я не сомневаюсь, — сказал отец, — что в этом происшествии повинно дурное настроение Доры, ее раздражение и мысли о самоубийстве. Она требует от меня, чтобы я прекратил общение с господином и особенно с госпожой К., которых она раньше прямо-таки почитала. Но я не могу этого сделать, ибо, во-первых, сам считаю рассказ Доры о безнравственном предложении мужчины фантазией, которая ей навязалась, во-вторых, я связан с госпожой К. ис-

расценивала как божью кару за свое прегрешение. Кроме того, она находилась под впечатлением от романа своей тети, внебрачную беременность которой (второй детерминирующий фактор рвоты) якобы удалось скрыть. Она считалась «абсолютным ребенком», но, как выяснилось, была посвящена во все существенные детали половых отношений.

кренной дружбой и не хочу ее огорчать. Бедная женщина очень несчастлива со своим мужем, о котором, впрочем, я не лучшего мнения; она сама была очень нервной и видит во мне единственную опору. При моем состоянии здоровья мне, пожалуй, не нужно вас уверять, что за этими отношениями ничего недозволенного не скрывается. Мы два несчастных человека, которые, насколько это возможно, утешают друг друга дружеским участием. О том, что к своей собственной жене я ничего не испытываю, вам известно. Но Дору, которая такая же упрямая, как и я, заставить отказаться от своей ненависти к К. невозможно. Ее последний приступ случился после разговора, в котором она снова выдвинула мне то же самое требование. Попробуйте теперь вы наставить ее на путь истинный».

Этим откровениям не совсем соответствовало то, что в других высказываниях отец пытался переложить главную вину на нетерпимость своей дочери к матери, особенности характера которой внушали отвращение ко всему дому. Но я уже давно решил отложить вынесение своего суждения о действительном положении вещей до тех пор, пока не услышу также другую сторону.

Таким образом, в переживании, связанном с господином К., — в любовном ухаживании и последующем оскорблении чести — для нашей пациентки Доры заключалась психическая травма, которую в свое время Брейер и я выдвинули в качестве неперемennого предварительного условия для возникновения истерического болезненного состояния¹. Но этот новый случай демонстрирует также все трудности, которые с тех пор побудили меня выйти за эту теорию², увеличившиеся новой трудностью особого рода. Собственно гово-

¹ [См. доклад «О психическом механизме истерических феноменов» (1893*h*), в этом томе с. 13 и далее.]

² Я вышел за рамки этой теории, не отказываясь от нее, то есть сегодня я считаю ее не неправильной, а неполной. Я отказался только от выделения так называемого гипноидного состояния, которое должно наступить у больного вследствие травмы и лечь в основу всех остальных психологически аномальных явлений. Если в совместной работе позволительно произвести задним числом разделение собственности, то я хотел бы здесь все же сказать, что выделение «гипноидного состояния», в котором затем иным референтам захотелось признать суть нашей работы, обязано исключительной инициативе Брейера. Я считаю излишним прерывать последовательность изложения вопроса, в чем состоит психический процесс при образовании истерических симптомов, введением этого термина, способного привести к заблуждениям. [«Гипноидные состояния» описываются в «Докладе» (1893*h*); см. выше с. 15 и с. 23–24. Теоретические разногласия между Фрейдом и Брейером вкратце излагаются в «Предварительных замечаниях издателей» к «Докладу» (с. 12 выше).]

ря, известная нам психическая травма в истории жизни, столь часто встречающаяся в историях болезни истериков, не годится для объяснения своеобразия симптомов, их детерминации; мы столь же много или столь же мало узнали бы о взаимосвязи, если бы следствием травмы были другие симптомы, а не *tussis nervosa*, нервный кашель, афония и *taedium vitae*. Но теперь добавляется, что часть этих симптомов — кашель и отсутствие голоса — была продуцирована больной уже за несколько лет до травмы и что первые проявления вообще относятся к детству, поскольку приходятся на восьмой год жизни. Таким образом мы должны, если не хотим отказаться от теории травмы, вернуться в детство, чтобы отыскать там влияния или впечатления, которые могут действовать аналогично травме, и весьма примечательно то, что к прослеживанию истории жизни вплоть до первых детских лет побудило меня изучение случаев, где первые симптомы возникли уже не в детстве¹.

После того как были преодолены первые трудности лечения, Дора рассказала мне о более раннем переживании, связанном с господином К., которое даже еще лучше подходило для того, чтобы воздействовать в качестве сексуальной травмы. Тогда ей было четырнадцать лет. Господин К. договорился с ней и своей женой, что после обеда дамы придут в его магазин на центральной площади Б., чтобы оттуда наблюдать церковное празднество. Однако он уговорил свою жену остаться дома, отпустил приказчиков и, когда девочка вошла в магазин, был там один. Когда подошло время церковной процессии, он попросил девушку подождать его у дверей, которые вели из магазина к лестнице на верхний этаж, пока он опустит роликовые жалюзи. Затем он вернулся и вместо того, чтобы выйти в открытую дверь, внезапно прижал девочку к себе и запечатлел поцелуй на ее губах. Пожалуй, это была ситуация, способная вызвать у 14-летней нетронутой девочки отчетливое ощущение сексуального возбуждения. Но Дора ощутила в этот момент сильнейшую тошноту, вырвалась и, минуя мужчину, помчалась к лестнице и оттуда к двери дома. Тем не менее общение с господином К. продолжалось; никто из них ни разу не упомянул об этом небольшом инциденте, и она сохраняла его в тайне вплоть до исповеди на лечении. Впрочем, в дальнейшем она избегала всякой возможности оставаться с господином К. наедине. В то время супруги К. договорились совершить многодневную прогулку, в ко-

¹ Ср. мою статью «Об этиологии истерии» (1896с), [с. 64–66 и с. 74 и далее в этом томе].

торой должна была участвовать также Дора. После поцелуя в магазине она отказалась от своего участия, не указав причин.

В этой второй по счету, но по времени более ранней сцене поведение 14-летнего ребенка в общем и целом уже является истеричным. Любого человека, у которого повод к сексуальному возбуждению преимущественно или исключительно вызывает чувства неудовольствия, я без тени сомнений счел бы за истерика, независимо от того, способен он или нет порождать соматические симптомы. Объяснение механизма такого *извращения аффекта* остается одной из самых важных и вместе с тем самых трудных задач психологии неврозов. По моему собственному мнению, я еще весьма далек от достижения этой цели; в рамках же этого сообщения даже из того, что мне известно, я смогу представить лишь часть¹.

Случай нашей пациентки Доры еще недостаточно характеризуется выделением извращенного аффекта; кроме того, нужно сказать, что здесь произошло *смещение* ощущения. Вместо генитального ощущения, которое у здоровой девушки при таких обстоятельствах², несомненно, присутствовало бы, у нее возникает ощущение неудовольствия, которое относится к слизистой оболочке входа в пищеварительный канал, тошнота. Разумеется, на эту локализацию оказало влияние раздражение губ поцелуем; но я полагаю, что здесь можно выявить также воздействие другого момента³.

Ощущавшаяся тогда тошнота не стала у Доры стойким симптомом, также и во время лечения она присутствовала, так сказать, лишь потенциально. Дора плохо ела и призналась в умеренном отвращении к пище. И наоборот, та сцена оставила после себя другое последствие — галлюцинаторное ощущение, которое время от времени вновь возникало во время ее рассказа. Она сказала, что и сейчас все еще ощущает давление в верхней части тела, вызванное тем объяснением. По определенным правилам образования симптомов, ставшим мне известными в связи с другими, иначе не объяснимыми особенностями больной, которая, например, не могла пройти мимо

¹ [Это одна из проблем, к которым Фрейд постоянно возвращается в своих сочинениях. Новая попытка решения представлена в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926d); см. с. 237 в этом томе.]

² Оценка этих обстоятельств будет облегчена последующим объяснением. [Ср. с. 153–154.]

³ Случайных причин тошноты Доры, вызванной этим поцелуем, несомненно, не было; они непременно были бы припомнены и упомянуты. Случайно я знаком с господином К. Это тот самый человек, который сопровождал во время визита ко мне отца пациентки, — еще молодой мужчина приятной наружности.

мужчины, если видела его стоящим во время бурного или нежного разговора с дамой, я создал для себя следующую реконструкцию развития событий в той сцене. Я думаю, что в том бурном объятии она ощутила не только поцелуй на своих губах, но и давление эрегированного члена на свое тело. Это непристойное для нее восприятие было удалено из памяти, вытеснено и замещено безобидным ощущением давления на грудную клетку, которое получает свою чрезмерную интенсивность из вытесненных источников. Стало быть, новое смещение с нижней части тела на верхнюю¹. Эта навязчивость в ее поведении, напротив, была сформирована таким образом, словно исходила из неизменного воспоминания. Она не может пройти мимо мужчины, находящегося, как она полагает, в сексуальном возбуждении, поскольку не хочет снова увидеть его соматические проявления.

Примечательно, что здесь три симптома — тошнота, ощущение давления на верхнюю часть тела и боязнь мужчин, произносящих нежные слова, — происходят из одного переживания, и только сопоставление трех этих признаков позволяет понять процесс симптомообразования. Тошнота соответствует симптому вытеснения эрогенной (избалованной, как мы еще узнаем [с. 126], инфантильным сосанием) зоны губ². Давление эрегированного члена, вероятно, имело своим следствием аналогичное изменение в соответствующем женском органе, клиторе, а возбуждение этой второй эрогенной зоны зафиксировалось в результате смещения на одновременное ощущение давления на грудную клетку. Боязнь мужчин, возможно, находящихся в сексуально возбужденном состоянии, подчиняется механизму фобии, чтобы обезопаситься от оживления вытесненного восприятия.

Чтобы выяснить возможность этого дополнения, я со всей осторожностью справился у пациентки, не известно ли ей что-нибудь о телесных признаках возбуждения на теле мужчины. Ответ гласил: сегодня — да, тогда же, как ей кажется, — нет. С этой пациенткой я с самого начала проявлял огромную осмотрительность, чтобы не

¹ Я допускаю наличие подобных смещений не только ради того, чтобы дать, скажем, подобное объяснение; они оказываются также непременным условием целого ряда симптомов. С тех пор о таком же ужасающем эффекте объятия (без поцелуя) я услышал от одной ранее нежно влюбленной невесты, которая обратилась ко мне из-за внезапного охлаждения к своему жениху, наступившего на фоне тяжелого расстройства настроения. Здесь испуг без особых проблем удалось свести к воспринятой, но устраненной из сознания эрекции у мужчины.

² [Оральная эрогенная зона губ более подробно описывается на с. 126.]

снабдить ею новыми знаниями из области половой жизни, причем не по причине добросовестности, а потому, что хотел на примере этого случая подвергнуть строгой проверке свои предположения. Поэтому я называл вещь своим именем только тогда, когда слишком явные на нее намеки позволяли мне считать перевод в непосредственное не очень рискованным предприятием. Ее быстрый и правдивый ответ обычно сводился к тому, что ей все это известно, но загадку, *откуда* она это все-таки знает, на основании ее воспоминаний решить было невозможно. О происхождении всех этих знаний она забыла¹.

Если я позволю себе представить сцену с поцелуем в лавке, то приду к следующему происхождению тошноты². Первоначально ощущение тошноты предстает реакцией на запах (позднее также и на вид) экскрементов. Но о выделительных функциях могут напоминать гениталии и, в частности, мужской член, поскольку здесь помимо сексуальной функции орган также служит функции мочеиспускания. Более того, это отправление известно с ранних лет, а в досексуальный период является единственно известным. Так тошнота становится одним аффективных проявлений сексуальной жизни. Это *inter urinas et faeces nascimur*³, о котором говорят отцы церкви, присуще сексуальной жизни и вопреки всем идеализирующим стараниям он нее неотделимо. Но в качестве своей точки зрения я хочу категорически подчеркнуть, что не считаю проблему решенной благодаря доказательству этого ассоциативного пути. Если эта ассоциация и может быть вызвана в памяти, то это еще не значит, что она будет вызвана. В нормальных условиях она не возникнет. Знание путей не делает излишним знание сил, которые эти пути изменяют⁴.

¹ Ср. второй сон. [С. 166–167, см. также с. 112, прим., с. 135 и с. 184, прим.]

² Здесь, как и во всех аналогичных местах, нужно быть готовым не к простой, а множественной мотивировке, к *сверхдетерминации*. [Эта особенность истерических симптомов упоминается в работе «Об этиологии истерии», с. 76 выше.]

³ [Зарождение между мочой и калом (лат.). — *Примечание переводчика*.]

⁴ Во всех этих объяснениях много типичного, а для истерии — общеобязательного. Тема эрекции раскрывает некоторые из самых интересных истерических симптомов. Женское внимание к различным через одежду очертаниям мужских гениталий становится после его вытеснения мотивом многих случаев боязни людей и страха нахождения в обществе. Тесная связь между относящимся к сексуальности и функции выделения, патогенное значение которой трудно переоценить, служит основой огромного множества истерических фобий. [Позднее эта тема, к которой Фрейд очень часто возвращается в своих сочинениях, упоминается в пространной сноске в конце главы IV работы «Недомогание культуры» (1930a), *Studienausgabe*, т. 9, с. 235–236, прим. 2.]

Впрочем, мне было непросто направить внимание моей пациентки на ее общение с господином К. Она утверждала, что с этим человеком окончательно порвала. Самый верхний слой ее мыслей во время сеансов, все, что ею легко осознавалось и что она осознанно помнила о предыдущем дне, всегда относилось к отцу. Она действительно не могла простить отцу продолжения общения с господином и особенно с госпожой К. Однако ее мнение об этом общении было иным, чем то, которое имел сам отец. Для нее не существовало сомнения в том, что это — обычные любовные отношения, которые привязывают ее отца к молодой и красивой женщине. Ничего из того, что могло бы подкрепить это мнение, не ускользало от ее необычайно острого в этом вопросе взгляда; *здесь никаких пробелов в ее памяти не обнаруживалось*. Знакомство с К. началось еще до тяжелого заболевания отца; но оно стало близким только во время этой болезни, когда молодая женщина буквально взяла на себя роль сиделки, тогда как мать держалась в стороне от кровати больного. Во время первого летнего отдыха после выздоровления случились вещи, которые любому должны были раскрыть глаза на истинный характер этой «дружбы». Обе семьи сообща сняли часть дома в отеле, и однажды госпожа К. заявила, что не может оставаться в спальне, которую она до сих пор делила с одним из своих детей, а через несколько дней отказался от своей спальни отец Доры, и оба заняли новые комнаты — последние комнаты, разделенные только коридором, тогда как помещения, от которых они отказались, такой гарантии от помех не давали. Когда позднее она упрекала отца из-за госпожи К., то обычно он говорил, что не понимает такой вражды, скорее, у детей есть все основания для того, чтобы быть госпоже К. благодарными. Мать, к которой она затем обратилась за разъяснением этих непонятных слов, ей рассказала, что папа тогда был так несчастлив, что даже хотел совершить в лесу самоубийство; но госпожа К., подозревавшая это, последовала за ним и своими просьбами склонила его сохранить себя для близких. Разумеется, она в это не верит; наверное, их вместе увидели в лесу, и тогда папа придумал эту сказку о самоубийстве, чтобы оправдать randevu¹. Когда затем они вернулись в Б., папа каждый день в определенные часы бывал у госпожи К., пока ее муж находился в магазине. Все люди говорили об этом и характерным образом ее расспрашивали. Сам господин К. часто горько жало-

¹ Это привязка к ее собственной комедии самоубийства [с. 101], которая, таким образом, выражает стремление к подобного рода любви.

вался на это ее матери, но саму ее оберегал от намеков на этот предмет, что, видимо, она засчитывала ему как проявление нежного чувства. Во время совместных прогулок папа и госпожа К. обычно делали так, что он оставался с госпожой К. наедине. Не было сомнений, что она брала от него деньги, ибо совершала траты, которые не нельзя было оплатить из собственных средств или средств своего мужа. Папа начал также делать ей дорогие подарки; чтобы их как-то скрывать, одновременно он стал особенно щедр к матери и к ней самой (Доре). Дотоле болезненная жена, которой самой месяцами приходилось лежать в больнице для нервных больных, поскольку она не могла ходить, с тех пор была здоровой и бодрой.

И после того как они покинули Б., эта многолетняя связь продолжалась. Отец время от времени заявлял, что не переносит суровый климат, что-то должен для себя сделать, начинал кашлять и жаловаться, пока вдруг не уезжал в Б., откуда писал самые беззаботные письма. Все эти болезни были лишь поводами, чтобы снова увидеть свою подругу. Затем однажды ей было сказано, что они переселяются в Вену, и она начала догадываться о причине. Действительно, они не пробыли в Вене и трех недель, как она услышала, что К. тоже переехали в Вену. Они и в настоящее время находились здесь, и она часто встречала на улице папу с госпожой К. Она также часто встречает господина К., он всегда на нее оглядывается, а однажды, когда он встретил ее одну, долго шел следом, чтобы узнать, куда она идет, и убедиться, нет ли у нее, к примеру, свидания.

То, что папа неискренен, двуличен по своему характеру, думает только о собственном удовольствии и обладает даром представлять вещи так, как ему выгодно, — такую критику мне приходилось слышать особенно в те дни, когда отец снова чувствовал ухудшение своего состояния и на несколько недель уезжал в Б., после чего прозорливая Дора вскоре разузнавала, что и госпожа К. совершала путешествие в этот же пункт назначения в гости к родственникам.

В целом такую характеристику отца я не мог оспаривать; легко было также увидеть, в чем именно Дора была особо права. Будучи в озлобленном состоянии, она не могла отделаться от мысли, что была отдана господину К. в качестве платы за то, что он терпел отношения между отцом Доры и своей женой, и можно было легко догадаться, что за ее нежностью к отцу скрывается ярость из-за того, что ее использовали подобным образом. В другие периоды она, должно быть, понимала, что такими речами повинна в преувеличении. Формального пакта, в котором с ней обошлись как с предметом обмена, мужчины, разумеется, никогда не заключали; отец пришел

бы в ужас от такого предположения. Но он принадлежал к тем мужчинам, которые умеют обезвредить конфликт, фальсифицировав свое суждение на тему, пришедшей к противоречию. Если бы его внимание обратили на возможность того, из-за постоянного и безнадзорного общения с мужчиной, не удовлетворенного своей женой, для взрослеющей девушки может возникнуть опасность, он, несомненно, ответил бы, что за свою дочь он может быть спокоен; такой мужчина, как К., не может быть ей опасен, да и сам его друг на такие замыслы не способен. Или: Дора еще ребенок, и К. обращается с ней как с ребенком. Но в действительности происходило так, что каждый из мужчин избегал делать из поведения другого вывод, который был неудобен с точки зрения собственных вожеланий. Господин К. на протяжении года мог ежедневно посылать ей цветы, по любому поводу делать ей дорогие подарки и проводить все свое свободное время в ее обществе, не опасаясь, что ее родители распознают в таком поведении любовное ухаживание.

Когда во время психоаналитического лечения появляется конкретно обоснованный и безупречный ряд мыслей, для врача, пожалуй, наступает момент замешательства, который больной использует для вопроса: «Наверное, так все и есть? Что вы можете тут изменить, когда я вам рассказал об этом?» Вскоре затем замечаешь, что такие недоступные для анализа мысли использовались больным для того, чтобы скрыть другие, которым хочется избежать критики и осознания. Ряд упреков, относящихся к другим людям, позволяет предположить наличие ряда упреков такого же содержания, относящихся к самому себе. Нужно только каждый отдельный упрек обратить на персону самого говорящего. Этот способ защищаться от упрека себя, когда такой же упрек выдвигается против другого человека, содержит нечто неоспоримо автоматическое. Он находит свой прототип в «ответных маневрах» детей, которые не задумываясь отвечают: «Ты сам врешь», — если их обвинили во лжи. Взрослый в стремлении оскорбить в ответ стал бы выискивать какое-нибудь уязвимое место противника, а не делал бы упор на повторении того же самого содержания. При паранойе эта проекция упрека на другого без изменения содержания и, стало быть, без опоры на реальность проявляется как процесс, приводящий к формированию бреда.

Также и упреки Доры, относящиеся к своему отцу, были «подшиты», «дублированы», как мы покажем в деталях, упреками точно такого же содержания, относящимися к себе. Она была права в том,

что отец не хотел прояснить для себя поведение господина К. по отношению к своей дочери, чтобы тот не вмешался в его отношения с госпожой К. Но и она делала то же самое. Она была соучастницей этих отношений и отметала все проявления, которые свидетельствовали об их настоящей природе. Только после происшествия на озере [с. 103] у нее появились ясность по этому поводу и жесткие требования к отцу. Все годы до этого она всячески содействовала общению отца с госпожой К. Она никогда не заходила к госпоже К., если ожидала там увидеть отца. Она знала, что в таком случае детей отправляли на улицу, выбирала такой путь, чтобы встретить детей, и с ними гуляла. В доме был один человек, который хотел заблаговременно открыть ей глаза на отношения отца с госпожой К. и побудить ее встать в оппозицию против этой женщины. Это была их последняя гувернантка, очень начитанная старая дева, придерживавшаяся свободных взглядов¹. Какое-то время учительница и ученица очень хорошо ладили друг с другом, пока Дора вдруг с ней не рассорилась и не настояла на ее увольнении. Покуда фрейлейн обладала влиянием, она использовала его для науськивания против госпожи К. Она разъясняла маме, что терпеть такую близость своего мужа с посторонней женщиной несовместимо с ее достоинством; она также обращала внимание Доры на странности такого общения. Но ее старания оказались тщетными, Дора оставалась нежно привязанной к госпоже К. и не хотела иметь повода, чтобы считать общение отца с ней предосудительными. С другой стороны, она вполне отдавала себе отчет в том, какими мотивами руководствовалась ее гувернантка. Слепая в одном, она была достаточно проницательна в другом. Она заметила, что фрейлейн влюблена в папу. В присутствии папы она казалась совершенно другим человеком, в таком случае она могла быть веселой и услужливой. В то время, когда семья находилась в фабричном городке, и госпожа К. была далеко, она науськивала отца против мамы, которая рассматривалась теперь как соперница. Дора пока еще не обижалась на нее из-за этого. Впервые она рассердилась, когда заметила, что сама она совершенно безразлична для гувернантки и что проявляемая к ней любовь фактически предназначалась отцу. В отсутствие папы в фаб-

¹ Эта гувернантка прочитала все книги о половой жизни и т. п. и обсуждала их с девочкой, но открыто попросила ее держать все это в тайне от родителей, поскольку еще не известно, какую бы позицию они заняли. В этой девушке я какое-то время искал источник всех тайных познаний Доры и, возможно, не совсем заблуждался. [См., однако, примечание на с. 184.]

ричном городке у Фрейлейн не находилось для нее времени, она не хотела с ней гулять, не интересовалась ее работами. Как только папа возвращался из Б., она снова проявляла готовность всячески слушать и помогать. Тогда-то она от нее и отказалась.

Бедняжка с нежелательной ясностью осветила ей часть ее собственного поведения. Подобно тому, как Фрейлейн иногда относилась к Доре, точно так же Дора относилась к детям господина К. Она замещала им мать, учила их, гуляла с ними, полностью возмещала им недостаток внимания, которое уделяла им настоящая мать. Между господином и госпожой К. часто заходила речь о разводе; он не состоялся, потому что господин К., который был нежным отцом, не захотел отказаться ни от одного из своих двух детей. Общий интерес к детям с самого начала был связующим звеном в общении господина К. и Доры. Но занятия с детьми, несомненно, были для Доры только предлогом, который должен был скрывать от нее самой и посторонних людей нечто иное.

Из ее поведения по отношению к детям, которое стало понятным из поведения гувернантки по отношению к ней самой, следовал тот же вывод, что и из ее безмолвного одобрения общения отца с госпожой К., а именно: все эти годы она была влюблена в господина К. Когда я высказал это предположение, я не встретил у нее одобрения. Хотя она тут же сказала, что и другие люди, например кузина, которая какое-то время гостила у них в Б., ей говорили: «Ты же до безумия влюблена в этого господина»; но об этих чувствах сама она вспоминать не хотела. Позднее, когда из-за обилия всплывшего материала отрицать это стало трудно, она призналась, что, возможно, была влюблена в господина К. в Б., но после сцены на озере это уже прошло¹. Во всяком случае было установлено, что упрек, адресованный отцу, что он сделался глух к насущным обязанностям и представляет вещи так, как ему выгодно, она могла бы отнести и к своей персоне².

Другой упрек, что он создавал себе болезни в качестве предлогов и использовал их как средство, опять-таки во многом совпадает с ее собственной тайной историей. Однажды она пожаловалась на якобы новый симптом, режущую боль в желудке, и когда я сп-

¹ Ср. второй сон.

² Здесь возникает вопрос: если Дора любила господина К., то чем объясняется ее отказ в сцене на озере или хотя бы грубая форма этого отказа, свидетельствующая о горькой обиде? Как в том предложении, которое — как мы узнаем позднее — отнюдь не было пошлым или непристойным, влюбленная девушка могла усмотреть оскорбление?

росил: «Кого вы этим копируете?», — попал в самую точку. Накануне она навестила своих кузин, дочерей умершей тети. Младшая стала невестой, у старшей по этому случаю возникли боли в желудке, и она должна была отправиться на Земмеринг¹. Она считала, что старшая просто завидует, она всегда заболевает, когда хочет чего-то достичь, и как раз сейчас хочет уехать из дома, чтобы не видеть счастья сестры². Однако ее собственные боли в желудке свидетельствовали о том, что она идентифицировалась с объявленной симулянткой кузиной либо потому, что тоже завидовала более удачливой из-за ее любви, либо в судьбе старшей сестры, которая недавно пережила несчастную любовь, увидела отражение собственной³. О том, с какой выгодой могут использоваться болезни, она узнала также и благодаря наблюдению за госпожой К. Часть года господин К. был в поездках; возвращаясь, он всякий раз заставлял госпожу К. больной, хотя еще накануне, как знала Дора, она была в добром здравии. Дора понимала, что присутствие мужа действовало на жену болезнетворно и что тот был рад этому нездоровью, которое позволяло ему избегать ненавистных супружеских обязанностей. Одно замечание о чередовании у нее самой недугов и здоровья во время первых проведенных в Б. девических лет, которое неожиданно добавилось в этом месте, заставило меня заподозрить, что ее собственные состояния нужно рассматривать в аналогичной зависимости, что и состояния госпожи К. В технике психоанализа считается правилом, что внутренняя, но пока еще скрытая взаимосвязь обнаруживается благодаря соприкосновению, временному соседству мыслей, подобно тому, как в письме стоящие рядом буквы *a* и *b* означают, что из них нужно образовать слог *ab*. У Доры было множество приступов кашля с потерей голоса; не могло ли присутствие или отсутствие возлюбленного влиять на возникновение и исчезновение этих болезненных явлений? Если так оно и было, то где-то можно было бы выявить выдающую тайну согласование. Я спросил, какая была средняя продолжительность этих приступов. Примерно от трех до шести недель. Как долго длились отлучки господина К.? Она вынуждена была признаться, что тоже между тремя и шестью неделями. Таким образом, своим

¹ [Изысканный горный курорт, примерно в двадцати километрах южнее Вены.]

² Повседневное явление у сестер.

³ Какой другой вывод я сделаю из болей в желудке, пойдет речь позднее [см. с. 148].

нездоровьем она демонстрировала свою любовь к К. подобно тому, как его жена — свое отвращение. Нужно было только иметь в виду, что она по сравнению с женой вела себя противоположным образом: была больной, когда он отсутствовал, и здоровой по его возвращении. По-видимому, так оно и было на самом деле, во всяком случае в первый период приступов; в дальнейшем, наверное, возникла необходимость затушевывать совпадение приступа болезни с отсутствием втайне любимого мужчины, чтобы таким постоянством не выдать секрета. Затем в качестве опознавательного знака первоначального значения приступа сохранилась лишь его продолжительность.

Я вспомнил, как в свое время [1885—1886] в клинике Шарко видел и слышал, что у лиц с истерическим мутизмом речь заменялась письмом. Они писали свободнее, быстрее и лучше, чем другие и чем раньше сами. То же самое было и с Дорой. В первые дни афонии ей «всегда очень легко давалось письмо». Эта особенность как выражение физиологической замещающей функции, которую создает себе потребность, собственно, не требовала психологического объяснения; но примечательно, что приобрести такое свойство все же было очень легко. Господин К. много писал ей о поездке, посылал видовые открытки; оказалось, что только она была осведомлена о сроке его возвращения, для жены оно всегда было неожиданным. Впрочем, то, что переписываются с отсутствующим, с которым нет возможности говорить, едва ли менее естественно, чем то, что при отказе голоса пытаются объясняться письмом. Таким образом, афония Доры допускает следующее символическое толкование: когда возлюбленный был далеко, она отказывалась от разговора; он терял свою ценность, поскольку она не могла с *ним* говорить. Зато приобретало значение письмо как единственное средство общения с отсутствующим.

И что же, теперь я буду, к примеру, утверждать, что во всех случаях периодически наступающей афонии диагноз должен ставиться на основании того, имеется или нет временно отсутствующий возлюбленный? Разумеется, в мои намерения это не входит. Детерминация симптома в случае Доры слишком специфицирована, чтобы можно было бы думать о частом повторении указанной случайной этиологии. Но тогда какую ценность имеет объяснение афонии в нашем случае? Не ввели ли мы сами себя в заблуждение игрой ума? Не думаю. Здесь нужно вспомнить столь часто возникающий вопрос, какое происхождение — психичес-

кое или соматическое — имеют симптомы истерии, или, если признается первое, действительно ли все они психически обусловлены. Этот вопрос, как и многие другие, на которые снова и снова безуспешно пытаются ответить исследователи, неадекватен. Действительное положение вещей в его альтернативу не включено. Насколько я могу видеть, любой истерический симптом нуждается во вкладе с обеих сторон. Он не может возникнуть без определенного *соматического содействия*¹, которое достигается благодаря нормальному или болезненному процессу в органе или на органе тела. Оно осуществляется не чаще одного раза, — а к особенности истерического симптома относится способность повторяться, — если не имеет психического значения, смысла. Этот смысл истерический симптом не привносит с собой, он ему придается, словно с ним спаивается, и в каждом случае он может быть другим в зависимости от специфики подавленных мыслей, стремящихся к выражению. Разумеется, на то, чтобы отношения между бессознательными мыслями и соматическими процессами, находящимися в их распоряжении в качестве средства выражения, складывались менее произвольно и приближались к нескольким типичным связям, воздействует целый ряд факторов. Для терапии более важны предопределения, заданные случайным психическим материалом; симптомы можно устранить, исследовав их психическое значение. Если затем убрано то, что должно быть устранено с помощью психоанализа, то, наверное, можно сделать всякого рода верные предположения о соматических, как правило, конституционально-органических, основах симптомов. Также и в отношении приступов кашля и афонии у Доры мы не будем ограничиваться психоаналитическим толкованием, а покажем стоящий за ними органический фактор, от которого исходило «соматическое содействие» для выражения симпатии к временно отсутствующему возлюбленному. И если связь между симптоматическим выражением и бессознательным содержанием мыслей в этом случае должна была произвести на нас впечатление умело и искусно изготовленной, то мы охотно услышим, что такого же впечатления она способна добиться в любом другом случае, в любом другом примере.

¹ [По-видимому, Фрейд употребляет здесь этот термин впервые. В его более поздних трудах он встречается редко. См., однако, заключительные слова в его работе «Психогенное нарушение зрения с позиции психоанализа» (1910/), в этом томе с. 213.]

Теперь я подготовлен к тому, чтобы услышать, что это означает не такое уж большое достижение, если мы, таким образом, благодаря психоанализу должны искать разгадку истерии уже не в «особой лабильности нервных молекул» или в возможности гипноидных состояний, а в «соматическом содействии».

В ответ на такое замечание я хочу все же подчеркнуть, что таким образом загадка не только частично отодвинулась на задний план, но и частично уменьшилась. Речь идет уже не о загадке в целом, а только о той ее части, в которой содержится особое свойство истерии, *отличное* от других психоневрозов. Психические процессы при всех психоневрозах на значительном участке пути одинаковы, и только затем принимается во внимание «соматическое содействие», которое создает бессознательным психическим процессам выход в телесную сферу. Там, где этот момент не присутствует, из всего состояния получится нечто иное, нежели истерический симптом, но опять-таки нечто родственное, например, фобия или навязчивая идея, словом, психический симптом.

Я возвращаюсь к упреку в «симуляции» болезни, который Дора выдвинула против своего отца. Мы вскоре заметили, что ему соответствовали не только упреки самой себя, касавшиеся прежних болезненных состояний, но и такие, которые имели в виду настоящее. В этом месте перед врачом обычно стоит задача разгадать и дополнить то, что анализ предоставил ему только в виде намеков. Я должен был обратить внимание пациентки, что ее нынешнее нездоровье точно так же мотивированно и тенденциозно, как и понятное для нее состояние госпожи К. Нет сомнения, что у нее имеется определенная цель, которую она надеется достичь своей болезнью. И ею не может быть ничего другого, как отвлечь отца от госпожи К. Просьбами и уговорами сделать это ей бы не удалось; возможно, она надеется этого добиться, если повергнет отца в ужас (смотри прошальное письмо), вызовет его сострадание (приступами слабости) [с. 101], и если все это ничем не поможет, то по меньшей мере она ему отомстит. Ей хорошо известно, как он к ней привязан, и каждый раз, когда он будет спрашивать о самочувствии дочери, в глазах у него будут слезы. Я полностью убежден, что она тотчас выздоровеет, если отец скажет ей, что ради ее здоровья он жертвует госпожой К. Я надеюсь, что он не позволит побудить себя к этому, ибо она узнает тогда, какое мощное средство имеет в своих руках, и, несомненно, не преминет всякий раз в будущем снова воспользоваться возможностями своей болезни. Если же отец ей не

уступит, то мне совершенно понятно, что ей будет не так просто отказаться от своего нездоровья.

Я опускаю детали, из которых следует, насколько все это было верно, и предпочитаю добавить некоторые общие замечания о роли *мотивов болезни* при истерии. Мотивы болезни понятийно следует строго отделять от возможностей болезни, от материала, из которого изготавливаются симптомы. Они никак не участвуют в симптомообразовании, их нет также в начале болезни; они присоединяются только вторично, но лишь с их появлением болезнь становится полностью сконструированной¹. На их наличие можно рассчитывать в каждом случае, означающем действительное страдание, которое сохраняется долгое время. Вначале для психической жизни симптом — это незванный гость, все направлено против него, и поэтому он так легко исчезает сам по себе, словно под влиянием времени. Сначала он не находит никакого полезного применения в психическом домашнем хозяйстве, но очень часто достигает его вторично; какое-нибудь психическое течение находит удобным воспользоваться симптомом, и тем самым он приобретает *вторичную функцию* и закрепляется в душевной жизни. Тот, кто хочет сделать больного здоровым, наталкивается тогда, к свое-

¹ [Дополнение, сделанное в 1923 году:] Здесь не все верно. Тезис, что мотивы болезни не существуют в начале болезни и присоединяются только вторично, нельзя оставлять в силе. Ибо уже на следующей странице упоминаются мотивы болезненного состояния, которые существуют еще до наступления болезни и причастны в ее появлении. Позднее я лучше разобрался в положении вещей, введя различие между *первичной* и *вторичной выгодой от болезни*. Мотивом нездоровья всякий раз является намерение получить выгоду. Все, что сказано в следующих положениях этого раздела, относится к вторичной выгоде от болезни. Однако в любом невротическом заболевании можно также выявить первичную выгоду. Заболевание вначале экономит психические усилия, оказывается экономически самым удобным решением в случае психического конфликта (*бегство в болезнь*), хотя в большинстве случаев позднее недвусмысленно выявляется нецелесообразность такого выхода из положения. Этот компонент первичной выгоды от болезни можно назвать *внутренней*, психологической; она, так сказать, постоянна. Кроме того, мотивами для заболевания могут стать внешние моменты, как приведенное в качестве примера [в следующем абзаце текста] положение угнетаемой своим мужем женщины, составляя, таким образом, *внешний* компонент первичной выгоды. [Различие между первичной и вторичной выгодой от болезни Фрейд подробно обсуждает в своей 24-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 371–373, однако о нем идет речь еще раньше в работе «Общие положения об истерическом припадке, где также встречается выражение «бегство в болезнь», см. ниже с. 200–201. Позднее Фрейд еще раз вернулся к этой теме — в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926d), в частности на с. 244–245 ниже. И все же, пожалуй, именно здесь эта проблема изложена наиболее ясно.]

му удивлению, на огромное сопротивление, которое наводит его на мысль, что с намерением больного отказаться от недуга дело обстоит не совсем, не вполне серьезно¹. Представьте себе рабочего, например кровельщика, который, упав с крыши, стал калекой и теперь влачить жалкое существование, прося милостыню на углу улицы. Тут подходит к нему чудотворец и обещает сделать скрюченную ногу прямой и здоровой. Я думаю, что нельзя будет рассчитывать на выражение особого счастья на его лице. Конечно, он чувствовал себя совершенно несчастным, когда получил увечье, понял, что никогда не сможет снова работать и будет вынужден голодать или жить подааниями. Но с тех пор то, что вначале сделало его безработным, стало источником его доходов; он живет за счет своего увечья. Если у него отнять его, то, возможно, он станет совершенно беспомощным; тем временем он позабыл свое ремесло, потерял свои рабочие навыки, привык к праздности, а быть может, и к пьянству.

Мотивы к болезненному состоянию часто начинают пробуждаться уже в детстве. Жажущий любви ребенок, который неохотно делится любовью родителей со своими братьями и сестрами, замечает, что та достается ему вновь целиком, когда родители встревожены его болезнью. Теперь он знает способ, которым можно выманить любовь родителей, и им воспользуется, как только в его распоряжении окажется психический материал, чтобы вызвать болезненное состояние. Когда ребенок затем становится взрослой женщиной и вопреки требованиям своего детства выходит замуж за не очень деликатного мужчину, подавляющего ее волю, беспощадно использующего ее рабочую силу, не проявляющего нежности и не тратящего на нее денег, нездоровье становится ее единственным оружием в утверждении своей жизни. Оно обеспечивает ей желанное бережное отношение, оно вынуждает мужа пойти на жертвы в деньгах и во внимании, которые он не предоставил бы ей здоровой, оно заставляет его осторожно обращаться с ней и после выздоровления, ибо в противном случае не заставит себя ждать рецидив. Внешне объективное, нежелательное состояние болезни, в которое приходится вмешиваться также лечащему врачу, позволяет ей без осознанных упреков целесообразно использовать средство, которое она сочла эффективным еще в детские годы.

¹ Один писатель, который, кстати, тоже врач по профессии, Артур Шницлер, дал весьма верное выражение этому факту в своем «Парацельсе».

И все же это нездоровье — продукт намерения! Как правило, болезненные состояния предназначены для определенного человека, и поэтому они исчезают с его удалением. Самое грубое и банальное суждение о болезни истериков, которое можно услышать от несведущих родственников и сиделок, в известном смысле является верным. Верно, что лежащие в постели парализованные больные вскочили бы, если бы в комнате вспыхнул пожар, что избалованная женщина забыла бы о всех своих недугах, если бы ее ребенок заболел опасной для жизни болезнью или их дому угрожала бы катастрофа. Все, кто так говорит о больных, правы вплоть до одного момента, где они пренебрегают психологическим различием между сознательным и бессознательным, что еще позволительно ребенку, но не годится для взрослого. Поэтому все эти уверения, что все дело в воле, и все подбадривания и поношения больных ничего не дают. Прежде всего нужно попытаться окольными путями анализа убедить их самих в существовании у них намерения болеть.

В необходимости бороться с мотивом болезни при истерии в общем и целом заключается слабость любой терапии, в том числе и психоаналитической. Судьбе здесь проще, ей не нужно воздействовать ни на конституцию, ни на патогенный материал больного; она просто отнимает мотив болезни, и больной на какое-то время, возможно, даже надолго освобождается от болезни. Насколько меньше чудесных исцелений и спонтанных исчезновений симптомов при истерии находили бы мы, врачи, если бы чаще вникали в утаиваемые от нас жизненные интересы больных! Здесь истек срок, внимание перенеслось на другого человека, ситуация коренным образом изменилась вследствие внешнего события, и прежде стойкий недуг в один миг исчез, якобы спонтанно, но на самом деле потому, что лишился своего сильнейшего мотива, одного из своих применений в жизни.

Мотивы, подкрепляющие нездоровье, вероятно, встречаются во всех запущенных случаях. Однако имеются случаи с чисто внутренними мотивами, как, например, самонаказание, то есть раскаяние и наказание. Разрешить терапевтическую задачу здесь проще, чем тогда, когда болезнь связана с достижением внешней цели¹. Эта

¹ [Позднее, однако, Фрейд отстаивал совершенно иное мнение относительно терапевтических затруднений при наличии у пациента *бессознательной* потребности в наказании. См., например, главу V в работе «Я и Оно» (1923b), *Studienausgabe*, т. 3, с. 316 и прим. 1.]

цель для Доры, очевидно, состояла в том, чтобы уговорить отца и отвлечь его от госпожи К.

Впрочем, ни один из его поступков, казалось, не вызвал у нее такой горькой обиды, как его готовность считать сцену на озере продуктом ее фантазии. Она была вне себя при мысли о том, что могла тогда себе что-то вообразить. Долгое время я пребывал в замешательстве, пытаясь разгадать, какой упрек себе скрывается за страстным отвержением этого объяснения. Справедливо было предположить, что за этим что-то скрывается, ибо упрек, который не соответствует действительности, надолго не обижает. С другой стороны, я пришел к выводу, что рассказ Доры непременно должен соответствовать истине. После того как ей стало понятным намерение господина К., она не дала ему договорить до конца, ударила его по лицу и поспешно удалась. Ее поведение показалось тогда оставшемуся стоять мужчине, наверное, столь же непонятным, как и нам, ибо по многочисленным мелким признакам он давно уже должен был заключить, что может быть уверен в расположении девушки. В дискуссии о втором сновидении мы найдем потом как решение этой загадки, так и упрек себе, который я тщетно искал вначале [с. 172 и далее].

В то время как обвинения отца повторялись с утомительной монотонностью и при этом сохранялся кашель, я должен был подумать о том, что этот симптом может иметь значение, связанное с отцом. Требования, которые я привык предъявлять к объяснению симптома, и без того давно не выполнялись. По одному из правил, подтверждение которому я всегда находил, но которое еще не имел мужества огласить публично, симптом означает изображение — реализацию — фантазии сексуального содержания, то есть сексуальную ситуацию. Точнее было сказать, что по меньшей мере *одно* из значений симптома соответствует изображению сексуальной фантазии, тогда как для других значений такое ограничение содержания не существует. Собственно говоря, о том, что симптом имеет больше одного значения, одновременно служит изображению нескольких бессознательных последовательностей мыслей, узнаешь очень быстро, когда занимаешься психоаналитической работой. Я хотел бы еще добавить, что, по моей оценке, одного-единственного бессознательного хода мыслей или одной фантазии для создания симптома едва ли когда-нибудь бывает достаточно.

Возможность дать нервному кашлю подобное истолкование через воображаемую сексуальную ситуацию появилась очень скоро.

Когда однажды она опять подчеркнула, что госпожа К. любит папу только потому, что он *состоятельный* мужчина, на основании определенных побочных обстоятельств ее выражения, которые я здесь, как и большинство того, что касается технической стороны аналитической работы, пропускаю, я заметил, что за этими словами скрывается их противоположность: отец — *несостоятельный* мужчина. Это могло иметь только сексуальное значение, то есть: отец как мужчина несостоятельный, импотентный. После того как, основываясь на осознанном знании, она подтвердила это толкование, я сказал ей в укор, в какое противоречие она впадает, когда, с одной стороны, настаивает на том, что отношения с госпожой К. являются обычной любовной связью, а с другой стороны, утверждает, что отец является импотентным и, следовательно, неспособным использовать такую связь. Ее ответ показал, что ей не требовалось признавать это противоречие. Ей хорошо известно, сказала она, что существует не единственный способ сексуального удовлетворения. Источник этого знания, однако, снова был безвозвратно потерян. Когда я затем спросил, не имеет ли она в виду использование для полового акта не гениталий, а других органов, она ответила утвердительно, и я мог продолжить: она подразумевает именно те части тела, которые у нее самой находятся в возбужденном состоянии (горло, полость рта). Разумеется, она не желала ничего знать о своих тайных мыслях, но она не могла также полностью прояснить для себя, каким образом это должно было содействовать возникновению симптома. Дополнение все же было неопровержимым: своим порывистым кашлем, который в качестве раздражителя по обыкновению указывал на зуд в горле, она представляла себе ситуацию сексуального удовлетворения *per os*¹ между двумя людьми, любовная связь которых ее беспрестанно занимала. То, что в ближайшее время после этого молчаливо принятого объяснения кашель исчез, разумеется, вполне подтверждало его истинность; но мы не хотели бы придавать слишком большое значение этому изменению, поскольку очень часто оно уже происходило спонтанно.

Если этот кусочек анализа у читателя-врача помимо неверия, в котором он, естественно, волен, вызовет изумление и отвращение, то я готов здесь проверить обе эти реакции на их правомерность. Изумление, как мне думается, обусловлено моей чреватой риском

¹ [Через рот (лат.). — Примечание переводчика.]

затеей разговаривать с юной девушкой — или вообще с женщиной в половозрелом возрасте — о таких деликатных и таких ужасных вещах. Отвращение, пожалуй, относится к возможности того, что нетронутая девушка знает о подобных приемах и занимает ими свою фантазию. В обоих пунктах я призвал бы к сдержанности и благоразумию. Ни здесь, ни там нет оснований для возмущения. С девушками и женщинами можно говорить обо всех сексуальных вещах, не вредя им и не навлекая на себя подозрение, если, во-первых, делать это в определенной манере, и, во-вторых, если создать у них убеждение в том, что это необходимо. Ведь в таких же условиях также и гинеколог позволяет себе подвергать их всевозможным обнажениям. Лучше всего говорить о таких вещах сухо и непосредственно; одновременно такая манера наиболее далека от похотливости, с которой эти темы обсуждается в «обществе» и к которой приучены как девушки, так и женщины. Я даю органам и процессам их технические названия и сообщаю их, если они — названия — например, неизвестны. «*J'appelle un chat un chat*»¹. Я часто слышал о медиках и не медиках, возмущающихся терапией, в которой происходят такие обсуждения; они, казалось, завидовали мне или пациентам из-за возбуждения, которое, по их мнению, возникает при этом. Но я все же слишком хорошо знаю добропорядочность этих господ, чтобы за них волноваться. Я сумею избежать искушения написать сатиру. Мне хочется упомянуть только одно: я часто испытываю удовлетворение, слыша впоследствии от пациентки, которой вначале нелегко давалась открытость в сексуальных вещах, восклицание: «Нет, ваше лечение все же намного пристойнее, чем разговоры господина X.!»

В неизбежности соприкосновения с сексуальными темами врач должен быть убежден еще до того, как берется за лечение истерии, или должен быть готов позволить себе убедиться в этом на опыте. В таких случаях говорят: «*Pour faire une omelette il faut casser des oeufs*»². Самих пациентов убедить легко; поводов к этому во время лечения имеется предостаточно. При этом не нужно себя упрекать, что обсуждаешь с ними факты нормальной и аномальной сексуальной жизни. Соблюдая известную осторожность, просто переводишь им в сознательное то, о чем они уже знают в бессозна-

¹ [Я называю кошку кошкой (фр.), то есть называю вещи своими именами. — *Примечание переводчика.*]

² [Не разбив яиц, нельзя сделать яичницу (фр.). — *Примечание переводчика.*]

тельном, и все воздействие лечения основывается только на понимании того, что аффективные воздействия бессознательной идеи являются более сильными и — поскольку не могут быть сдержаны — более вредными, чем осознанной. Не стоит бояться опасности испортить неопытную девушку; если в бессознательном нет знания о сексуальных процессах, то и истерический симптом не возникнет. Там, где обнаруживаешь истерию, говорить о «невинности мыслей» в понимании родителей и воспитателей уже не приходится. На примере десяти-, двенадцати- и четырнадцатилетних детей, как мальчиков, так и девочек, я убедился в исключительной надежности этого тезиса.

Что касается второй эмоциональной реакции, которая — если я прав — направлена уже не против меня, а против пациентки и находит ужасным извращенный характер ее фантазий, то мне следует подчеркнуть, что такая страстность в осуждении врачу не к лицу. Помимо прочего, я считаю излишним, чтобы врач, пишущий об извращениях сексуальных влечений, использовал любую возможность для выражения в тексте своего личного отвращения к столь гадким вещам. Здесь перед нами факт, к которому при подавлении своих личных пристрастий, надеюсь, мы станем привычными. О том, что мы называем сексуальными перверсиями, выходом за пределы сексуальной функции в отношении области тела и сексуального объекта, нужно уметь говорить без возмущения. Уже неопределенность границ для так называемой нормальной сексуальной жизни у разных рас и в разные эпохи должна была остудить ревнителей нравственности. Мы все же не должны забывать, что самая омерзительная для нас из этих перверсий, чувственная любовь мужчины к мужчине, у такого столь превосходящего нас по культуре народа, как греки, не только считалась нормальной, но и была наделена важными социальными функциями. Каждый из нас в своей собственной сексуальной жизни то здесь, то там хотя бы на малость переступает узкие границы, установленные для нормального человека. Перверсии не являются ни зверствами, ни вырождениями в патетическом смысле слова. Это развитие зародышей, которые все вместе содержатся в недифференцированной сексуальной предрасположенности ребенка, их подавление или обращение на более высокие, несексуальные цели — их *сублимация*¹ — предназначено для того, чтобы отдать энергию нашим мно-

¹ [Ср. второй из «Трех очерков по теории сексуальности» (1950d), раздел [1], *Studienausgabe*, т. 5, с. 85–86.]

гочисленным культурным завоеваниям. Поэтому, если кто-нибудь грубо и явно *стал* извращенным, то правильнее будет сказать, что он *остался* стоять на месте, он представляет собой некую стадию *задержки развития*. Все психоневротики — это люди с прочно сформировавшимися, но в ходе развития ставшими вытесненными и бессознательными извращенными наклонностями. Поэтому их бессознательные фантазии обнаруживают точно такое же содержание, что и документально установленные действия извращенных людей, даже если они не читали «Psychopathia sexualis» фон Краффт-Эбинга, которой наивные люди приписывают так много вины в возникновении извращенных наклонностей. Психоневрозы — это, так сказать, *негатив* перверсий. Сексуальная конституция, в которой выражается в том числе и наследственность, воздействует на невротиков наряду со случайными жизненными событиями, нарушающими развитие нормальной сексуальности. Водные потоки, встречающие препятствие на своем пути, снова запруживают старое, уже оставленное русло. Энергия влечения, используемая для образования истерических симптомов, поставляется не только вытесненной нормальной сексуальностью, но и бессознательными извращенными побуждениями¹.

Менее отталкивающие среди так называемых сексуальных перверсий имеют самое большое распространение среди нашего населения, о чем знает каждый за исключением автора медицинский статей. Или, скорее, автор тоже знает об этом; он только старается забыть это в момент, когда берет в руки перо, намереваясь об этом писать. Поэтому нет ничего удивительного, что наша в скором времени девятнадцатилетняя истерическая больная, которая слышала о существовании подобного сексуального акта (сосания члена), развивает такую бессознательную фантазию и выражает ее через ощущение раздражения в горле и кашель. Было бы также неудивительно, если бы она пришла к этой фантазии и без постороннего просвещения, как я это со всей определенностью установил у других пациенток. Соматическое предварительное условие для такого

¹ Эти положения о сексуальных перверсиях были написаны за несколько лет до выхода в свет превосходной книги И. Блоха «Этиология сексуальной психопатии» (1902 и 1903). Ср. также мои опубликованные в этом году (1905) «Три очерка по теории сексуальности» [прежде всего первый очерк (*Studienausgabe*, т. 5, с. 47–80, в котором подробно обсуждается большинство тем, упомянутых в данной работе. Относительно следующего абзаца см. второй очерк (там же, с. 90–91).].

самостоятельного создания фантазии, которая совпадает затем с поведением извращенного человека, у нее появилось в результате одного заслуживающего внимания факта. Она хорошо помнила, что в свои детские годы очень долго сосала, была «сосунком». Отец также вспомнил, что от этого ее отучал, когда подобное продолжалось до четвертого или пятого года жизни. Сама Дора ясно вспомнила картину из своих ранних детских лет, как она сидела в углу на полу, сосала большой палец левой руки и при этом теребила правой рукой мочку уха спокойно сидящего рядом брата. Это является полноценным способом самоудовлетворения посредством сосания, о котором мне сообщали также другие — впоследствии ставшие анестетическими и истерическими — пациентки. От одной из них я получил информацию, проливающую яркий свет на происхождение этой своеобразной привычки. Молодая женщина, которая вообще не смогла отвыкнуть от привычки сосать, рассказала об одном из детских воспоминаний, якобы относящемся к первой половине второго года жизни, как она сосет грудь кормилицы и при этом ритмически тянет ее за мочку уха. Я думаю, никто не будет оспаривать, что слизистую оболочку губ и рта можно считать первичной эрогенной зоной¹, поскольку это значение отчасти она сохранила за поцелуем, считающимся нормальным явлением. Таким образом, активное использование этой эрогенной зоны в раннем возрасте является условием последующего соматического содействия со стороны начинающейся с губ слизистой оболочки тракта. Если затем, в то время, когда собственно сексуальный объект, мужской член, уже известен, возникают условия, которые снова усиливают возбуждение оставшейся сохранной эрогенной зоны рта, то не требуется больших затрат творческой энергии для того, чтобы вместо первоначального грудного соска и замещающего его пальца поместить в ситуацию удовлетворения актуальный сексуальный объект, пенис. Таким образом, эта совершенно непристойная извращенная фантазия о сосании пениса имеет самое невинное происхождение; она является переработкой впечатления, которое можно назвать доисторическим, от сосания груди матери или кормилицы, обычно вновь оживляемого общением с сосущими детьми. При этом в большинстве случаев в качестве подходящего промежуточного представления между соском груди и пенисом служило вымя коровы².

¹ [См. «Три очерка», I (5), (1905d; *Studienausgabe*, т. 5, с. 76–78.)

² [См. подтверждение этой детали в случае «маленького Ганса» (1909b), *Studienausgabe*, т. 8, с. 14–15.]

Только что приведенное истолкование горлового симптома у Доры может дать повод также и к другому замечанию. Можно спросить, как эта представленная в фантазии сексуальная ситуация согласуется с другим объяснением, что возникновение и исчезновение болезненных явлений копирует присутствие и отсутствие любимого мужчины, то есть с учетом поведения женщины выражает мысль: «Будь я его женой, я любила бы его совсем иначе, болела бы (из-за тоски, к примеру), когда он в отъезде и была бы здоровой (от высшего счастья), когда он снова дома». На это, исходя из своего опыта в устранении истерических симптомов, я должен ответить: необязательно, чтобы различные значения симптома согласовывались друг с другом, то есть дополняли друг друга, образуя взаимосвязь. Достаточно, если эта взаимосвязь создана темой, которая послужила источником всех различных фантазий. Впрочем, в нашем случае такая согласованность не исключена; одно значение больше связано с кашлем, другое — с афонией и чередованием состояний; более тонкий анализ, вероятно, позволил бы выявить еще более значительное одушевление деталей болезни. Мы уже узнали, что симптом, как правило, *одновременно* соответствует нескольким значениям; теперь мы добавим, что он также может *поочередно* выражать несколько значений. С течением лет симптом может менять одно из своих значений или свое главное значение либо ведущая роль может от одного значения перейти к другому. Так сказать, консервативной чертой в характере невроза является то, что когда-то образованный симптом по возможности сохраняется, даже если бессознательная мысль, нашедшая в нем свое выражение, лишилась своего значения. Однако эту тенденцию к сохранению симптома также легко объяснить механически; изготовление такого симптома настолько затруднительно, перенос чисто психического возбуждения в телесную сферу — то, что я назвал *конверсией*, — связан с таким множеством благоприятствующих условий, соматическое содействие, которое требуется для конверсии, настолько трудно получить, что стремление к отводу возбуждения из бессознательного по возможности довольствуется уже проторенным путем. Гораздо более простым, чем создание новой конверсии, представляется образование ассоциативных связей между новой нуждающейся в отводе мыслью и старой, которая эту потребность утратила. На проложенном таким способом пути возбуждение из нового источника устремляется к прежним местам отвода, и симптом уподобляется, как это сказано в Евангелии, старому бурдюку, наполненному молодым вином. Если после таких объяснений соматический компонент истерического симптома кажется более стойким, а пси-

хический — изменчивым, более легко замещаемым элементом, то из этого соотношения все же нельзя вывести субординацию между ними. Для психической терапии всякий раз более значимым является психический компонент.

Беспрестанное повторение одних и тех же мыслей об отношении ее отца к госпоже К. предоставило анализу Доры возможность еще одной важной разработки.

Такой ход мыслей можно назвать сверхсильным, точнее, *усиленным, сверхценным* в значении Вернике [1900, 140]. Несмотря на свое внешне корректное содержание, он оказывается болезненным из-за той своей особенности, что вопреки всем сознательным и волевым усилиям человека его не удастся разрушить и устранить. С нормальным, по-прежнему интенсивным ходом мыслей в конце концов можно справиться. Дора совершенно правильно чувствовала, что ее мысли о папе вызвали особую оценку. «Я не могу думать ни о чем другом, — жаловалась она снова и снова. — Мой брат верно говорит, что мы, дети, не вправе критиковать эти действия папы. Нас это не должно заботить, и, быть может, мы должны даже радоваться, что он нашел женщину, к которой привязан, поскольку мама мало его понимает. Я вижу это и хотела бы тоже думать так, как мой брат, но не могу. Я не могу ему этого простить»¹.

Что же теперь делать с такой сверхценной мыслью после того, как узнали о ее сознательном обосновании и безуспешных возражениях против нее? Надо сказать себе, *что этот сверхсильный ход мысли обязан своим усилением бессознательному*. Он неустраним в мыслительной работе либо потому, что сам своими корнями простирается в бессознательный вытесненный материал, либо потому, что за ним скрывается другая бессознательная мысль. В таком случае последняя чаще всего оказывается ее прямой противоположностью. Противоположности всегда тесно взаимосвязаны и зачастую сочетаются таким образом, *что одна мысль совершенно сознательна, а ее соперница вытеснена и бессознательна*. Такое соотношение является следствием процесса вытеснения. Собственно говоря, вытеснение часто осуществляется таким образом, что противоположность подлежащей вытеснению мысли чрезмерно усиливается. Я на-

¹ Такая сверхценная мысль наряду с мрачным настроением часто является единственным симптомом болезненного состояния, которое обычно называют «меланхолией», но которое, как и истерию, можно устранить с помощью психоанализа.

зываю это *реактивным* усилением, а мысль, которая слишком сильно утверждается в сознании и по образцу предрассудка проявляет себя неразрушимой, — *реактивной мыслью*. Обе мысли относятся друг к другу примерно так, как две магнитные стрелки из одной астатической пары. С определенным избытком интенсивности реактивная мысль удерживает предосудительную в вытеснении; но из-за этого она сама становится «приглушенной» и невосприимчивой к сознательной мыслительной работе. Осознание вытесненной противоположности является тогда способом лишить сверхсильную мысль ее усиления.

Из своих ожиданий нельзя исключать также случай, когда лицо не одно из двух обоснований сверхценности, а их конкуренция. Встречаются еще и другие осложнения, которые, однако, можно легко приладить.

Проверим это¹ на примере, который предоставляет нам Дора, сначала предположив, что причина ее навязчивой заботы об отношении отца к госпоже К. ей самой неизвестна, поскольку она находится в бессознательном. Об этой причине нетрудно догадаться из отношений и проявлений. Ее поведение, очевидно, выходит за рамки дочернего участия; скорее, она чувствовала и вела себя как ревнивая женщина, что было бы понятным у ее матери. Своим требованием: «Она или я», сценами, которые она разыгрывала, и угрозой самоубийства, на которое она намекала, она явно ставила себя на место матери. Если мы правильно разгадали фантазию о сексуальной ситуации, лежащую в основе ее кашля, то в ней она становилась на место госпожи К. Следовательно, она идентифицировалась с обими женщинами, любимыми отцом сейчас и раньше. Напрашивается вывод, что она была расположена к отцу в большей степени, чем знала, или что ей не хотелось себе признаваться, что она была влюблена в отца.

Такие бессознательные, заметные лишь по их аномальным последствиям любовные отношения между отцом и дочерью, матерью и сыном я научился понимать как оживление зачатков инфантильных чувств. В другом месте² я показал, как рано дает о себе знать

¹ [Из двух возможностей, а именно, что сверхценная мысль (a) объясняется непосредственным, а сверхценная мысль (b) — реактивным усилением из бессознательного. (a) обсуждается в этом и следующем абзацах: в свою очередь (b) имеет две формы, первая из которых обсуждается в трех следующих абзацах, а вторая — в остальной части раздела.]

² В «Толковании сновидений» (1900a) [*Studienausgabe*, т. 2, с. 262–268] и в третьем из «Очерков по теории сексуальности» [*Studienausgabe*, т. 5, с. 125–131].

сексуальное притяжение между родителями и детьми, и утверждал, что вымысел об Эдипе, наверное, следует понимать как поэтическую переработку типичного в этих отношениях. Такое раннее расположение дочери к отцу, сына к матери, отчетливый след которого, вероятно, остается у большинства людей, уже с самого начала должно быть более интенсивным у конституционально предрасположенных к неврозу, не по возрасту развитых и жаждущих любви детей. Затем проявляются определенные — здесь не обсуждаемые — влияния, которые фиксируют или настолько усиливают это рудиментарное любовное побуждение, что уже в детские годы или в пубертатный период из него образуется нечто, что можно приравнять к сексуальной наклонности и что, подобно ей, привлекает к себе либидо¹. Внешние обстоятельства у нашей пациентки отнюдь не противоречат такому предположению. В силу своих задатков ее всегда тянуло к отцу, его многочисленные болезни должны были усилить ее нежность к нему; при некоторых заболеваниях именно ее, а никого другого, он допускал к исполнению мелких обязанностей по уходу за больным; гордый ее рано развившимся интеллектом, он сделал ее еще ребенком своим доверенным лицом. С появлением госпожи К. на самом деле не мать, а она была вытеснена сразу с нескольких позиций.

Когда я сообщил Доре, что ее склонность к отцу, как я должен предположить, уже в раннем возрасте имела характер настоящей влюбленности, она хотя и дала свой обычный ответ: «Я об этом не помню», — тут же сообщила нечто подобное о своей семилетней кухне (со стороны матери), в которой она часто видела, так сказать, отражение своего собственного детства. Однажды малышка снова была свидетельницей раздраженного спора между родителями и прошептала на ухо Доре, пришедшей к ним в гости после этого: «Ты не можешь себе представить, как я ненавижу эту особу (намекая на мать)! Когда-нибудь она умрет, и тогда я женюсь на папе». Я приучен в таких мыслях, которые в чем-то согласуются с содержа-

¹ Решающим моментом для этого, по-видимому, является преждевременное возникновение настоящих генитальных ощущений, спонтанных или вызванных соблазнением и мастурбацией. (См. ниже [с.148–149].)

² [Дополнение, сделанное в 1923 году:] Другая, весьма удивительная и совершенно достоверная форма подтверждения из бессознательного, которую я тогда еще не знал, — восклицание пациента: «Я об этом не думал» или «Я этого не имел в виду». Эти выражения можно буквально перевести как: «Да, для меня это было бессознательным». [См. подробное обсуждение этой темы в работе «Отрицание» (1925h).]

нием моего утверждения, видеть подтверждение из бессознательного. Другого «да» услышать из бессознательного нельзя; бессознательного «нет» вообще не существует².

Эта влюбленность в отца не проявлялась годами; более того, с той самой женщиной, которая оттеснила ее от отца, она долгое время находилось в самом искреннем взаимном согласии и, как мы знаем из ее упреков себе, даже способствовала ее связи с отцом. Таким образом, эта любовь была снова оживлена, и если это действительно так, то мы можем спросить, с какой целью это произошло. Очевидно, в качестве реактивного симптома, чтобы подавить что-то другое, что, следовательно, по-прежнему было могущественным в бессознательном. Исходя из положения вещей, я должен был в первую очередь подумать о том, что этим подавленным является любовь к господину К. Я должен был предположить, что ее влюбленность все еще сохраняется, но после сцены на озере — по неизвестным мотивам — вызывает мощное сопротивление, и девушка извлекла и усилила давнюю склонность к отцу, чтобы в своем сознании больше не ощущать ничего из любви своих первых девичьих лет, ставшей для нее мучительной. Затем мне также стал понятен конфликт, который вполне мог расстроить душевную жизнь девушки. С одной стороны, она, пожалуй, сожалела о том, что отвергла предложение мужчины, тосковала о нем и маленьким проявлениям его нежности; с другой стороны, сильнейшие мотивы, среди которых легко было разгадать ее гордость, противились этим нежным и страстным порывам. Таким образом, она внушила себе, что с господином К. покончено — такова была ее выгода от этого типичного процесса вытеснения, — и вместе с тем для защиты от постоянно пробивающейся к сознанию влюбленности должна была вызывать и преувеличивать инфантильную склонность к отцу. То, что затем она почти непрерывно находилась во власти ревнивой озлобленности, по-видимому, имело еще и другую детерминацию¹.

Это отнюдь не противоречило моему ожиданию, что таким изложением я вызвал бы у Доры самый решительный протест. «Нет», которое слышишь от пациента после того, как его сознательному восприятию впервые представлены вытесненные мысли, лишь констатирует это вытеснение и его решимость, мерит, так сказать, его силу. Если это «нет» не понимать как выражение беспристрастного

¹ С которой мы также [прямо сейчас] столкнемся.

мнения, на которое больной все-таки неспособен, а обойти его стороной и продолжить работу, то вскоре появляются первые доказательства того, что «нет» в таком случае означает желанное «да». Она согласилась, что не может быть злой на господина К. в той степени, которую он заслуживал из-за нее. Она рассказала, что однажды, прогуливаясь в сопровождении кузины, не знавшей господина К., встретила его на улице. Неожиданно кузина воскликнула: «Дора, что с тобой? Ты стала бледной как смерть!» Она не чувствовала у себя никаких изменений, но должна была слышать от меня, что мимика и выражение аффекта скорее повинуются бессознательному, чем сознательному, и зачастую его выдают¹. В другой раз после нескольких дней постоянно веселого настроения она пришла ко мне в самом скверном расположении духа, объяснение которому она не знала. Ей сегодня так противно, объявила она; сегодня день рождения дяди, а она не может себя заставить поздравить его; она не знает, почему. Мое искусство толкования в этот день было притуплено; я попросил ее говорить дальше и неожиданно она вспомнила, что сегодня ведь также и день рождения господина К., что я не преминул использовать против нее. Затем также нетрудно было объяснить, почему богатые подарки на ее собственный день рождения за несколько дней до этого не принесли ей радости. Там отсутствовал один подарок, подарок господина К., который раньше для нее, очевидно, был самым ценным.

Между тем еще долгое время она упорно возражала против моего утверждения, пока в конце анализа не было получено решающее доказательство его правильности [с. 173—174].

Теперь я должен вспомнить еще об одном осложнении, которому, разумеется, я не предоставил бы места, если бы мне как писателю нужно было придумать подобное душевное состояние для новеллы, а не расчленять его в роли врача. Элемент, на который я сейчас укажу, может лишь омрачить и стереть прекрасный, поэтический конфликт, который мы можем предположить у Доры; он справедливо становится жертвой цензуры писателя, который так-

¹ Ср.: Спокойной вам могу казаться,
Спокойно видеть вас.

[Эти слова, которые в предыдущих изданиях «Доры» не совсем верно цитируются, заимствованы из баллады Шиллера «Рыцарь Тоггенбург»; внешне кажущаяся равнодушной, но на самом деле влюбленная дама адресует их рыцарю, отправляющемуся в крестовый поход.]

же упрощает и абстрагирует там, где писатель выступает в роли психолога. Но в действительности, которую я здесь стараюсь изобразить, усложнение мотивов, накопление и соединение душевных побуждений, словом, сверхдетерминация, является правилом. За сверхценным ходом мыслей, который занимался отношением отца к госпоже К., скрывалась также ревность, объектом которой была эта женщина — то есть побуждение, которое могло основываться только на склонности к лицам того же пола. Давно известно и неоднократно подчеркивалось, что даже у обычных мальчиков и девочек в пубертатном возрасте можно наблюдать отчетливые признаки существования склонности к лицам одного с ними пола. Восторженная дружба с школьной подругой с клятвами, поцелуями, обещаниями вечной переписки и со всей обидчивостью, присущей ревности, является обычной предшественницей первой более интенсивной влюбленности в мужчину. Затем при благоприятных условиях гомосексуальное стремление зачастую полностью иссякает; в том случае, если счастья в любви к мужчине не наступает, в последующие годы его нередко вновь пробуждает либидо, усиливая в той или иной степени. Если его так часто без труда можно установить у здоровых, то, опираясь на прежние замечаниями [с. 124—125] о более сильном развитии у невротиков нормальных зачатков перверсий, мы можем ожидать, что обнаружим в их конституции и более выраженную гомосексуальную предрасположенность. Наверное, так и должно быть, ибо пока еще ни в одном психоанализе мужчины или женщины я не обходился без учета такой действительно важной гомосексуальной направленности. Там, где у истерических женщин и девушек предназначенное для мужчин сексуальное либидо подверглось энергичному подавлению, постоянно обнаруживается либидо, предназначенное женщине, усиленное замещением и даже частично осознанное.

Я не буду здесь далее обсуждать эту важную тему, без которой нельзя обойтись особенно для понимания истерии мужчины, поскольку анализ Доры подошел к концу прежде, чем он сумел пролить свет на эти ее отношения. Но я вспоминаю ту гувернантку [см. с. 112—113], с которой она вначале делилась сокровенными мыслями, пока не заметила, что та ценила ее и хорошо с ней обращалась не из-за собственных ее достоинств, а из-за отца. Тогда она вынудила ее оставить дом. Она также удивительно часто и с особым значением рассказывала о другой размолвке, которая ей самой казалась загадочной. Со своей второй кузиной, той самой, которая позднее стала невестой [с. 114], она всегда ощущала себя полностью поня-

той и делилась с ней всевозможными тайнами. Когда отец впервые после прерванного пребывания на озере снова отправился в Б., а Дора, естественно, отказалась его сопровождать, эта кузина попросила поехать с отцом, и тот ее взял с собой. С тех пор Дора почувствовала охлаждение к ней и удивлялась сама себе, насколько безразличной она ей стала, хотя и призналась, что не может упрекнуть ее в чем-то серьезном. Эти проявления обидчивости побудили меня спросить, каким было ее отношение к госпоже К. до размолвки. Тогда я узнал, что молодая женщина и едва повзрослевшая девушка годами поддерживали самые доверительные отношения. Когда Дора жила у К., она делила спальню с этой женщиной; мужа выселяли из комнаты. Она была поверенной и советчицей женщины во всех трудностях ее супружеской жизни; не было ничего, о чем бы они не говорили. Медея была полностью довольна тем, что Креуса¹ взяла обоих детей к себе; конечно, она также ничего не делала для того, чтобы помешать общению отца этих детей с девушкой. Каким образом случилась так, что Дора полюбила мужчину, о котором любимая подруга могла рассказать так много плохого, представляет собой интересную психологическую проблему, которую, пожалуй, можно будет решить благодаря пониманию того, что в бессознательном мысли особенно удобно располагаются друг с другом и даже противоположности уживаются безо всякого трения, что, впрочем, довольно часто остается таким и в сознательном.

Когда Дора рассказывала о госпоже К., она хвалила ее «восхитительно белое тело» тоном, который больше соответствовал тону влюбленной женщины, чем поверженной соперницы. Скорее печально, нежели с горечью, она сообщила мне в другой раз о своей уверенности, что подарки, принесенные папой, были куплены госпожой К.; она узнает ее вкус. В другой раз она подчеркнула, что, очевидно, при посредничестве госпожи К. ей были подарены драгоценные украшения, совершенно похожие на те, которые она видела у госпожи К. и про которые она тогда вслух сказала, что хочет иметь такие же. Более того, я должен вообще сказать, что не слышал от нее резких или сердитых слов об этой женщине, в которой она с позиции своих сверхценных идей должна была все-таки видеть виновницу своего несчастья. Она вела себя непоследовательно, но

¹ [Креуса — в греческой мифологии дочь коринфского царя, невеста аргонавта Ясона, которую, подарив одеяние, пропитанное ядом, погубила ревнивая Медея, ранее родившая Ясону двух сыновей. Навев его, Креуса сгорела вместе с отцом, пытавшимся ей помочь. — *Примечание переводчика.*]

кажушаяся непоследовательность как раз была выражением противоречивой направленности чувств. Но как должна была вести себя по отношению к ней восторженно любящая подруга? После того как Дора выдвинула против господина К. свое обвинение, и отец в письме потребовал от него объяснений, он сначала ответил заверениями своего глубокого уважения и вызвался приехать в фабричный городок, чтобы прояснить все недоразумения. Несколькими неделями позднее, когда отец разговаривал с ним в Б., о глубоком уважении уже не было и речи. Он унизил девушку и использовал козырную карту: девушка, которая читает такие книги и интересуется такими вещами, не может претендовать на уважение мужчины. Таким образом, госпожа К. предала и очернила ее; только с ней она беседовала о Мантегацце и на другие шекотливые темы. Все снова было так, как в случае с гувернанткой; также и госпожа К. любила ее не как таковую, а из-за отца. Госпожа К. не задумываясь пожертвовала ею, чтобы не испортить отношения с ее отцом. Возможно, эта обида задела ее сильнее, оказала более сильное патогенное воздействие, чем другая обида — из-за того, что отец ею пожертвовал, — которой она хотела скрыть ту. Не указывала ли столь упорно сохранявшаяся амнезия, касавшаяся источников ее сомнительных знаний [с. 108], на эмоциональную значимость обвинения и, соответственно, на предательство подруги?

Таким образом, на мой взгляд, я не заблуждался, предполагая, что сверхценный ход мыслей Доры, связанный с отношением отца к госпоже К., был предназначен не только для подавления бывшей когда-то осознанной любви к господину К., но и в более глубоком смысле для сокрытия бессознательной любви к госпоже К. К последнему течению он находился в отношении полной противоположности. Она беспрестанно говорила себе, что папа ею жертвовал ради этой женщины, шумно демонстрировала, что не позволит ей обладать папой, и таким образом скрывала обратное, что она не могла позволить папе любить эту женщину, а любимой женщине не простила разочарования из-за ее предательства. Ревнивое чувство женщины в бессознательном было соединено с ревностью, которую испытывает мужчина. Эти мужские или, лучше сказать, *гинекофические* течения чувств следует рассматривать как типичные для бессознательной любовной жизни истерических девушек¹.

¹ [См. примечание на с. 184.]

II ПЕРВОЕ СНОВИДЕНИЕ

Как раз когда у нас появились надежда благодаря материалу, который нуждался в анализе, прояснить одно темное место в детстве Доры, она сообщила, что в одну из последних ночей снова видела сон, который ей уже снился раньше. Периодически повторяющееся сновидение уже в силу этой особенности могло пробудить мое любопытство; в интересах же лечения можно было посмотреть, каким образом это сновидение вплетено в контекст анализа. Поэтому я решил исследовать этот сон особенно тщательно.

Сновидение. *«В доме пожар¹, — рассказывала Дора, — отец стоит возле моей кровати и будит меня. Я быстро одеваюсь. Мама еще хочет спасти свою шкатулку с драгоценностями, но папа говорит: “Я не хочу, чтобы я и оба моих ребенка сгорели из-за твоей шкатулки с драгоценностями”. Мы спешим вниз, и как только я оказываюсь во дворе, просыпаюсь».*

Поскольку это — повторяющееся сновидение, я, разумеется, спрашиваю, когда впервые оно ей приснилось. Этого она не знает. Но она вспоминает, что видела этот сон в Л. (местечке на озере, где произошла сцена с господином К.) три ночи подряд, а несколько дней назад он снова приснился здесь². Восстановленная таким образом связь сновидения с событиями в Л., естественно, повышает мои шансы разгадать сновидение. Но сначала мне хочется узнать повод для его последнего появления, и поэтому я прошу Дору, которая благодаря некоторым небольшим ранее проанализированным примерам уже обучена толкованию сновидений, разложить этот сон и сообщить мне, какие мысли в связи с ним у нее возникли.

Она говорит: «Кое-какие, но они не могут к этому относиться, потому что это нечто совсем свежее, тогда как сон, несомненно, я уже видела раньше».

Не имеет значения; как раз последнее и окажется кстати.

«Итак, в эти дни папа поссорился с мамой, потому что она заперла на ночь столовую. Дело в том, что комната моего брата не

¹ «У нас никогда не было настоящего пожара», — ответила она затем на мой вопрос.

² По содержанию можно установить, что *впервые* это сновидение приснилось в Л.

имеет своего выхода и доступна только через столовую. Папа не хотел, чтобы брат ночью был взаперти. Он сказал, что так не пойдет; ведь ночью может что-то случиться, из-за чего понадобится выйти».

И теперь вы это связали с опасностью пожара?

«Да».

Я попрошу вас, хорошо запомните ваши собственные выражения. Возможно, они нам еще пригодятся. Вы сказали, что *ночью может что-то случиться и понадобится выйти*¹.

Дора нашла связь между недавним и тогдашним поводами к сновидению, ибо она продолжает:

«Когда мы тогда приехали в Л., папа и я, он прямо сказал о своем страхе перед пожаром. Мы приехали в сильную грозу, увидели маленький деревянный домик, у которого не было громоотвода. Там этот страх был совершенно естественен».

Теперь мне нужно выяснить связь между событиями в Л. и тогдашними идентичными сновидениями. Поэтому я спрашиваю: «Вы видели этот сон в первые ночи в Л. или в последние перед вашим отъездом, то есть до или после известной сцены в лесу?» (Я знаю, что эта сцена произошла не в первый день и что после нее она еще несколько дней оставалась в Л., не подавая виду, что что-то случилось.)

Сначала она отвечает: «Не знаю». Через какое-то время: «Я все же думаю: после».

Итак, теперь я знал, что сновидение было реакцией на то происшествие. Но почему оно повторилось там три раза? Я спросил: «Как долго вы еще оставались в Л. после той сцены?»

«Еще четыре дня, на пятый я с папой уехала».

Теперь я уверен, что сновидение явилось непосредственным следствием происшествия с господином К. Впервые оно вам приснилось там, не раньше. Вы только добавили неуверенность при воспоминании, чтобы затушевать эту связь². Но у меня еще не все согласуется с цифрами. Если вы еще четыре ночи оставались в Л., то вы могли видеть сон четыре раза. Быть может, так и было?

¹ Я выхватываю эти слова, потому что они меня озадачили. Для меня они звучат двусмысленно. Не теми ли же самыми словами говорят об определенных телесных потребностях? Но двусмысленные слова являются, так сказать, «местом смены» в потоке ассоциаций. Если такая смена совершается иначе, чем в содержании сновидения, то, вероятно, мы попадаем в колею, по которой искомые и пока еще скрытые мысли движутся позади сновидения.

² Ср. то, что было сказано о сомнениях при воспоминании на с. 96.

Она уже не опровергает мое утверждение, но вместо того чтобы ответить на мой вопрос, продолжает¹: «Во второй половине дня после нашей прогулки по озеру, с которой мы, господин К. и я, вернулись днем, я, как обычно, легла на диван в спальне, чтобы немножко вздремнуть. Неожиданно я проснулась и увидела стоящего передо мной господина К.»

То есть так же, как во сне вы увидели стоящим перед вашей кроватью папу?

«Да. Я потребовала от него объяснений, что ему здесь нужно. В ответ он сказал, что не позволит запретить себе входить в свою спальню, когда того пожелает; впрочем, он хотел что-то забрать. Став из-за этого предусмотрительной, я спросила у госпожи К., нет ли у нее ключа от спальни, а на следующее утро (во второй день) заперла ее во время туалета. Когда потом после обеда я захотела запереться, чтобы опять прилечь на диван, ключа не было. Я убеждена, что его забрал господин К.»

Итак, это и есть тема запертой или незапертой комнаты, которая присутствует в первой мысли по поводу сновидения и которая случайно сыграла также определенную роль в новом поводе к сновидению². Должна ли фраза: «*Я быстро одеваюсь*» — также входить в эту взаимосвязь?

«Тогда я решила не оставаться без папы у К. На следующее утро я боялась, что господин К. застанет меня врасплох во время туалета, и поэтому я одевалась всегда очень быстро. Папа жил в гостинице, а госпожа К. всегда очень рано уходила из дому, чтобы совершить с папой экскурсию. Но господин К. больше меня не беспокоил».

Я понимаю, что вечером второго дня вы возытели намерение избегать этих преследований, а затем во вторую, третью и четвертую ночь после сцены в лесу у вас было время повторить себе это намерение во сне. То, что на следующее — третье — утро у вас не будет ключа, чтобы запереться при одевании, вы уже знали вечером второго дня, то есть до сновидения, и могли наметить себе завершить туалет как можно быстрее. Но ваш сон повторялся каждую ночь, потому что он как раз соответствовал намерению. Намерение

¹ Собственно говоря, сначала должен появиться новый материал воспоминаний, прежде чем можно будет ответить на заданный мною вопрос.

² Я предположил, не говоря пока этого Доре, что этот элемент был взят ею из-за его символического значения. Очень часто «комнаты» [Zimmer] в сновидении представляют «женщин» [Frauenzimmer], а «открыта» или «заперта» женщина, разумеется, не может быть безразличным. Также и что за «ключ» открывает в этом случае, всем хорошо известно.

же сохраняется до тех пор, пока оно не осуществилось. Вы словно себе говорили: «У меня нет покоя, я не смогу спокойно спать, пока не уеду из этого дома». И наоборот, в сновидении вы говорите: «*Как только я оказываюсь во дворе, просыпаюсь*».

Я прерываю здесь изложение анализа, чтобы сопоставить этот кусочек толкования сна с моими общими положениями о механизме образования сновидений. В своей книге¹ я утверждал, что каждое сновидение представляет собой желание, которое изображено осуществленным, что это изображение нечто скрывает, если желание вытеснено и принадлежит бессознательному, и что за исключением детских снов только бессознательное желание или желание, стирающееся в бессознательное, обладает силой для образования сновидения. Я полагаю, что непременно снискал бы всеобщее одобрение, если бы довольствовался утверждением, что у каждого сновидения имеется смысл, который можно раскрыть посредством определенной работы по толкованию. После произведенного толкования сновидение можно заменить мыслями, которые в легко различимых местах вставляются в душевную жизнь в бодрствовании. Тогда я мог бы продолжить, что этот смысл сновидения оказывается таким же разнообразным, как и ход мыслей в бодрствовании. В одном случае — это исполненное желание, в другом — осуществившееся опасение, затем, например, продолжающееся во сне размышление, намерение (как в сновидении Доры), часть умственной работы во сне и т. п. Несомненно, такое изложение подкупало бы своей доходчивостью и могло бы опираться на множество хорошо истолкованных примеров, в частности, на проанализированный здесь сон.

Но вместо этого я выдвинул общее утверждение, ограничивающее смысл сновидений одной-единственной формой мысли, изображением желаний, и пробудил самую обычную склонность к возражению. Но я должен сказать, что не считаю себя ни вправе, ни обязанным упрощать психологический процесс для большего удобства читателей, если он доставил сложность моему исследованию, сведение которой к единообразию удалось найти только в другом месте. Поэтому для меня особенно ценно будет показать, что кажущиеся исключения, такие, как это сновидение Доры, которое сначала раскрылось как продолжающееся во сне дневное намерение, все-таки вновь подтверждают оспариваемое правило. [Ср. с. 154 и далее.]

¹ «Толкование сновидений» (1900а).

Нам еще предстояло истолковать большую часть сновидения. Я дальше спросил: «Что это за шкатулка с драгоценностями, которую мама хочет спасти?»

«Мама очень любит украшения, и она часто их получала от папы».

А вы?

«Раньше я тоже очень любила украшения; после болезни я их уже не ношу. Тогда, четыре года назад (за год до сновидения), между папой и мамой была крупная ссора из-за какого-то украшения. Мама хотела носить в ушах нечто определенное, каплевидные жемчужины. Но папе такие не нравятся, и вместо них он принес ей браслет. Она была в ярости и сказала ему, что раз уж он потратил столько денег, чтобы подарить то, что ей не нравится, то пусть подарит это кому-то другому».

И тогда вы подумали, что охотно бы приняли это?

«Не знаю¹, и вообще я не знаю, почему мама появляется в сновидении; ведь ее в Л. тогда не было»².

Я объясню вам это позднее. Вам ничего больше не приходит в голову в связи со шкатулкой для драгоценностей? До сих пор вы говорили только об украшениях и ничего о шкатулке.

«Да, некоторое время назад господин К. подарил мне дорогую шкатулку для драгоценностей».

Стало быть, этот ответный подарок, пожалуй, пришелся здесь как нельзя кстати. Возможно, вы не знаете, что «шкатулка для драгоценностей» — это излюбленное обозначение того, на что вы недавно намекнули подвешенной сумочкой³, то есть женских гениталий.

«Я знала, что *вы* это скажете»⁴.

Это значит, что *вы* это знали. Теперь смысл сновидения становится еще яснее. Вы сказали себе: «Мужчина преследует меня, он хочет проникнуть в мою комнату, моей “шкатулке для драгоценностей” угрожает опасность, и если случится беда, то виной тому бу-

¹ В то время обычный для нее оборот речи, чтобы признать нечто вытесненное.

² Это замечание, свидетельствующее о полном непонимании обычно хорошо ей известных правил толкования сновидений, а также нерешительность и скудность ее мыслей по поводу шкатулки для драгоценностей служили мне свидетельством того, что речь шла о материале, который был с особой энергией вытеснен.

³ Об этой сумочке смотри ниже [с. 146–147].

⁴ Очень часто встречающийся способ устранить знание, всплывающее из вытесненного.

дет папа». Поэтому в сновидении вы создали ситуацию, которая выражает противоположное, опасность, от которой вас спасает папа. В этой области сновидения вообще все превращается в противоположность; вскоре вы услышите, почему. Тайна, однако, связана с мамой. Какое отношение к этому имеет мама? Она, как вы знаете, раньше была вашей соперницей в борьбе за благосклонность папы. В том происшествии с браслетом вы бы с радостью приняли то, что отвергла мать. А теперь позвольте нам заменить «принять» на «давать», «отвергать» на «отказывать». Тогда это означает, что вы были готовы дать папе то, в чем отказывает ему мама, и то, о чем идет речь, имело нечто общее с украшением¹. Тут вы вспоминаете про шкатулку для украшений, которую вам подарил господин К. Здесь у вас начало параллельного ряда мыслей, в котором, как в ситуации с человеком, стоящим перед вашей кроватью, вместо папы надо поместить господина К. Он подарил вам шкатулку для драгоценностей, стало быть, вы должны подарить ему свою шкатулку, поэтому только что я говорил об «ответном подарке». В этом ряде мыслей ваша мама будет заменена госпожой К., которая все же, наверное, тогда присутствовала. Итак, вы готовы подарить господину К. то, в чем ему отказывает жена. Здесь у вас мысль, которая старательно должна вытесняться, которая делает необходимым превращение всех элементов в их противоположность. Как я вам это уже говорил до этого сновидения, а сон вновь подтверждает, что вы пробуждаете прежнюю любовь к папе, чтобы защититься от любви к господину К. Но что доказывают все эти усилия? Не только то, что вы боитесь господина К., но и что еще больше вы боитесь самой себя, своего искушения ему отдаться. Стало быть, этим вы подтверждаете, насколько сильной была к нему любовь².

Разумеется, в этой части толкования ей участвовать не хотелось.

Но я продолжил заниматься толкованием сновидения, которое казалось мне столь же необходимым для выяснения анамнеза

¹ Также и для каплевидных жемчужин мы сможем позднее [с. 158 и далее] привести требуемое контекстом истолкование.

² К этому я добавляю: «Впрочем, из повторного появления сновидения в последние дни я должен заключить, что эту же ситуацию вы рассматриваете как повторившуюся и что вы решили прекратить лечение, к которому ведь вас принуждает только папа». Дальнейшее показало, насколько я оказался прав. Мое толкование затрагивает здесь как в практическом отношении, так и в теоретическом необычайно важную тему «переноса», для подробного рассмотрения которой в этой работе у меня будет не так много возможностей. [См., однако, с. 180 и далее.]

случая, как и для теории сновидения. Я пообещал Доре сообщить его на следующем сеансе.

Собственно говоря, я не мог забыть намека, который, по-видимому, проистекал из ранее упомянутых двусмысленных слов (*что нужно выйти во двор, что ночью может случиться беда*). К этому добавилось то, что объяснение этого сновидения мне казалось неполным, поскольку не было выполнено определенное требование, к исполнению которого я с пристрастием стремлюсь, хотя я и не желаю его выставлять как всеобщее. Упорядоченное сновидение стоит, так сказать, на двух ногах, из которых одна опирается на существенный актуальный повод, другая — на чреватые последствиями события детских лет. Между ними, то есть между детскими переживаниями и нынешними, сновидение устанавливает связь, оно пытается преобразовать настоящее по образцу самого раннего прошлого. Желание, создающее сновидение, всегда приходит из детства, оно пытается снова и снова пробудить детство к реальности, исправить настоящее на основе детства. Я полагал, что части, которые можно сложить в намек на событие детства, уже можно отчетливо распознать в содержании сновидения.

Я начал обсуждение этого с одного небольшого эксперимента, который как обычно удался. Случайно на столе стоял большой спичечный коробок. Я попросил Дору посмотреть вокруг, не сможет ли она увидеть на столе нечто особое, чего обычно на нем не стояло. Она ничего не заметила. Тогда я спросил, не знает ли она, почему детям запрещают играть со спичками.

«Да, из-за угрозы пожара. Дети моего дяди любят играть со спичками».

Не только из-за этого. Их предостерегают: «Не зажигать», — и связывают с этим определенную веру.

Она ничего об этом не знала. — То есть опасаются, что затем они намочат постель. В основе этого, наверное, лежит противоположность воды и огня. Например, увидев во сне огонь, они попытаются потушить его водой. Точно не могу сказать¹. Но я вижу, что эта противоположность *воды* и *огня* превосходно послужила вам в сновидении. Мама хочет спасти шкатулку для драгоценностей, чтобы она не *сгорела*, а в мыслях сновидения все сводится к тому, чтобы эта «шкатулка для драгоценностей» не *намочла*. Но огонь используется

¹ [Фрейд не раз возвращался к этому вопросу. Подробнее всего он обсуждается в его статье «О добывании огня» (1932a).]

не только как противоположность воды, он служит также непосредственному изображению любви, влюбленности, пылкой страсти. Таким образом, от огня одна колея через это символическое значение ведет к любовным мыслям, другая ведет через свою противоположность к воде, после чего ответвилось еще одно отношение к любви, которая тоже делает *мокрым*, куда-то в другое место. Куда же? Вспомните ваши выражения: что *ночью случится беда, что нужно выйти во двор*. Не означает ли это телесную потребность, и если вы переместите эту беду в детство, может ли это быть чем-то иным, чем то, что постель станет мокрой? Но что делают, чтобы предотвратить недержание мочи у детей? Не правда ли, их будят ночью, *точно так же, как в сновидении это делает с вами папа*? Следовательно, это было реальным событием, из-за которого вы позволяете себе заменить господина К., разбудившего вас, папой. Поэтому я должен заключить, что вы страдали недержанием мочи дольше, чем это обычно бывает у детей. То же самое, должно быть, было и с вашим братом. Ведь папа говорит: «*Я не хочу, чтобы оба моих ребенка... погибли*». В остальном никакого отношения к актуальной ситуации с К. брат не имеет, он также и не сопровождал вас в Л. Что говорят на этот счет ваши воспоминания?

«О себе я ничего не знаю, — ответила она, — но брат до шестого или седьмого года мочился в постель, иногда такое случалось с ним также и днем».

Только я хотел обратить ее внимание на то, насколько проще вспоминать подобное о своем брате, чем о себе, как она продолжила вернувшись воспоминанием: «Да, у меня это тоже какое-то время было, но только в семь или в восемь лет. Видимо, дела были плохи, ибо я знаю теперь, что обращались за советом к доктору. Это было незадолго до нервной астмы». [С. 99–100.]

И что сказал доктор?

«Он объяснил это нервной слабостью: “Все скоро пройдет”, — сказал он, и прописал укрепляющее средство»¹.

Теперь толкование сновидения казалось мне завершенным². Еще одно дополнение к сновидению она привела на следующий день.

¹ Этот врач был единственным, кому она выказывала доверие, поскольку на этом примере она поняла, что тот не будет выведывать ее тайну. Перед любым другим врачом, которого она еще не могла оценить, она ощущала страх, мотивированный тем, что он мог разгадать ее тайну.

² В переводе суть этого сновидения можно было бы передать примерно такими словами: «Искушение так велико. Дорогой папа, защити меня снова, как в детские годы, чтобы моя постель не намочил!»

Она забыла рассказать, что каждый раз после пробуждения чувствовала запах дыма. Дым хорошо подходил к огню, он указывал также на то, что сон имеет особое отношение и к моей персоне, ибо, когда она утверждала, что тут или там за этим ничего не скрывается, обычно я ей говорил: «Нет дыма без огня». Но на это исключительно личное толкование она возразила, что господин К. и папа — заядлые курильщики, как, впрочем, и я. Она сама курила на озере, а господин К., до того, как начал свое злополучное ухаживание, скрутил ей тогда сигарету. Она была также уверена в том, что запах дыма был не только в последнем, но и в трех первых сновидениях в Л. Поскольку другие сведения она дать отказалась, я должен был сам решить, каким образом внести это дополнение в общую структуру мыслей сна. Отправной точкой мне могло служить то, что ощущение дыма появилось потом, то есть ему пришлось с особым трудом преодолевать вытеснение¹. Следовательно, оно, вероятно, принадлежало к наиболее смутно представленной и наиболее вытесненной мысли, то есть к мысли об искушении отдаться мужчине. В таком случае оно едва ли могло означать что-то иное, чем желание поцелуя, который у курильщика обязательно имеет вкус дыма; один поцелуй между ними случился примерно два года назад [с. 105], и, несомненно, он бы повторился не раз, если бы девушка ответила на ухаживания. Таким образом, мысли об искушении, видимо, вернули к более ранней сцене и пробудили воспоминание о поцелуе, против соблазна которого эта любительница сосать в свое время защищалась тошнотой. Собрав, наконец, воедино все признаки, вероятно, указывающие на перенос на меня, поскольку я тоже курильщик, я прихожу к мнению, что однажды во время сеанса ей, наверное, пришла в голову мысль пожелать от меня поцелуя. Это было для нее поводом повторить для себя сон-предостережение и принять решение о прекращении лечения. Все это очень хорошо согласуется, но в силу особенностей «переноса» лишено доказательства. [Ср. с. 182, прим.]

Я мог бы тут колебаться, должен ли я сначала взяться за выяснение ценности этого сновидения для истории болезни в данном случае или, скорее, должен ответить на возникшее из него возражение против теории сновидений. Я выбираю первое.

Имеет смысл подробно остановиться на значении недержания мочи в предыстории невротиков. Наглядности ради я только

¹ [См. с. 167, прим. 2.]

подчеркну, что случай Доры в этом отношении был необычен. Нарушение не только продолжалось дольше допустимого для нормальных детей времени, но и, по ее совершенно определенным сведениям, сначала исчезло, а затем сравнительно поздно, после шестого года жизни, появилось вновь [с. 143]. Такое недержание мочи, насколько я знаю, едва ли имеет более вероятную причину, чем мастурбация, роли которой в этиологии недержания мочи пока еще придают слишком мало значения. Самим детям, по моему опыту, эта связь была хорошо известна, и все психические последствия выводятся из этого так, словно они никогда ее не забывали. В то время, когда было рассказано сновидение, мы находились на пути исследования, который напрямую вел к такому признанию детской мастурбации. Незадолго до этого Дора задала вопрос: почему именно она заболела, и, прежде чем я дал ответ, свалила вину на отца. Это были не бессознательные мысли, а осознанное знание, которым она это обосновывала. К моему удивлению, девушка знала, какой природы была болезнь отца. После возвращения отца из моего врачебного кабинета [с. 98] она подслушала разговор, в котором называлась болезнь. Еще раньше, в период отслоения сетчатки [с. 97—98], вызванный для консультации окулист, должно быть, указал на сифилитическую этиологию, ибо любопытная и озабоченная девочка слышала тогда, как одна пожилая тетя сказала матери: «Он ведь был болен еще до брака», — и добавила что-то ей непонятное, что позднее она связала с непристойностями.

Стало быть, отец заболел из-за легкомысленного образа жизни, и она предположила, что он передал ей эту болезнь по наследству. Я поостерегся ей говорить, что я, как упоминалось (с. 99, прим.), тоже отстаиваю мнение, что потомство сифилитиков совершенно особым образом предрасположено к тяжелым невропсихозам. Этот обвиняющий отца ход мыслей нашел свое продолжение в бессознательном материале. В течение нескольких дней она идентифицировалась с легкими симптомами и особенностями матери, из-за чего сделалась совершенно невыносимой, и это позволило мне догадаться, что она думала о пребывании в Франценсбаде¹, который она посетила — не помню уже, в каком году — в сопровождении матери. Мать страдала болями в нижней части живота и выделениями — катаром, — из-за которых понадобилось

¹ [Лечебный курорт в Богемии.]

лечение в Франценсбаде. Она считала — по-видимому, опять справедливо, — что эта болезнь идет от папы, который, следовательно, перенес свое поражение половых органов на мать. Было совершенно понятно, что, делая этот вывод, она, как и вообще большая часть дилетантов, смешала в одну кучу гонорею и сифилис, наследственное и передачу посредством полового сношения. Ее упорство в идентификации чуть ли не заставило меня задаться вопросом, нет ли также у нее самой половой болезни, и тогда я узнал, что и она страдает катаром (*fluor albus*), о возникновении которого она вспомнить не может.

Теперь я понял, что за ходом мыслей, открыто обвинявших отца, как обычно скрывалось самообвинение, и пошел ей навстречу, заверив ее, что бели у юных девушек, на мой взгляд, преимущественно указывают на мастурбацию и что все остальные причины, которые обычно приводятся в связи с подобным недугом, по сравнению с мастурбацией отступают на задний план¹. Следовательно, на пути к ответу на свой вопрос, почему заболела именно она, Дора должна была признаться в мастурбации, вероятно, в детские годы. Она самым решительным образом отрицала, что может вспомнить о чем-то подобном. Но через несколько дней она продемонстрировала нечто такое, что я должен был счесть дальнейшим приближением к признанию. В этот день, чего не было ни раньше, ни позднее, она повесила на руку сумочку-кошелек самой модной формы и в то время, когда говорила лежа на кушетке, играла им — открывала его, засовывала туда палец, опять закрывала и т. д. Какое-то время я наблюдал за ней, а затем ей объяснил, что такое симптоматическое действие². Симптоматическими я называю те действия, которые человек совершает, как говорится, автоматически, бессознательно, не обращая на них внимания, словно играючи, всякое значение которых он бы оспаривал и которые называет безразличными и случайными, если его о них спрашивают. Более тщательное наблюдение показывает, что такие действия, о которых сознание ничего не знает или ничего не желает знать, выражают бессознательные мысли и импульсы и тем самым являются ценными и поучительными в качестве позвольительных проявлений бессознательного. Существуют две формы сознательного отношения к симптоматическим действиям. Если их удастся незаметно мотивировать, то они также

¹ [Дополнение, сделанное в 1923 году:] Крайняя точка зрения, которую сегодня я уже не стал бы отстаивать.

² Ср. мою работу «Психопатология обыденной жизни» (1901b). [Глава IX.]

принимаются к сведению; если такой предлог у сознания отсутствует, то, как правило, человек вообще не замечает того, что их совершает. В случае Доры мотивировка была простой: «Почему я не должна носить такую сумочку, которая сейчас модна?» Но такое оправдание не устраняет возможности бессознательного происхождения данного действия. С другой стороны, это происхождение и смысл, который придают действию, могут оказаться неубедительными. Приходится довольствоваться констатацией того, что такой смысл прекрасно вписывается во взаимосвязь данной ситуации, в порядок вещей бессознательного.

В другой раз я представляю коллекцию таких симптоматических действий, которые можно наблюдать у здоровых людей и у невробольных. Иногда толкования очень просты. Двухсекционная сумочка Доры — не что иное, как изображение гениталий, а ее игра с нею, открывание и засовывание пальца, весьма бесцеремонное, но несомненное пантомимическое сообщение о том, что ей хочется делать, а именно мастурбировать. Недавно я столкнулся с аналогичным случаем, который меня очень развеселил. Одна пожилая дама посередине сеанса вытаскивает небольшую костяную коробочку якобы для того, чтобы леденцом увлажнить пересохшее горло, пытается ее открыть, а затем протягивает ее мне, чтобы я убедился, как трудно она открывается. Я высказываю свое подозрение, что эта коробочка должна означать нечто особенное, ведь я вижу ее сегодня впервые, хотя ее владелица посещает меня уже больше года. На это дама в пылу возражает: «Эту коробочку я всегда ношу с собой, куда бы я ни пошла, я повсюду беру ее с собой!» Она успокаивается только после того, как я, смеясь, обратил ее внимание на то, насколько хорошо ее слова подходят также к другому значению. Коробка — *box, πυξίς*, — как и сумочка, как шкатулка для драгоценностей, вновь является лишь заместителем венериной раковины, женских гениталий!

В жизни имеется много подобной символики, на которую мы обычно не обращаем никакого внимания. Когда я поставил себе задачу пролить свет на то, что люди скрывают, не под нажимом гипноза, а на основании того, что они говорят и показывают, я считал эту задачу более трудной, чем она оказалась в действительности. Кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, убеждается, что смертные не умеют скрывать тайну. Тот, чьи губы молчат, выдает себя кончиками пальцев; из всех пор лезет измена. А потому задача осознать самое сокровенное в душе вполне разрешима.

Симптоматическое действие Доры с сумочкой не было ближайшим предшественником сновидения. Сеанс, принесший нам рассказ о сновидении, она начала с другого симптоматического действия. Когда я вошел в комнату, где она ожидала, она быстро спрятала письмо, которое читала. Естественно, я спросил, от кого письмо, и вначале она уклонялась от ответа. Затем выяснилось нечто совершенно незначительное и не имевшее отношения к нашему лечению. Это было письмо от бабушки, в котором та просила ее почаще писать. Я думаю, что она хотела лишь разыграть передо мной «тайну» и намекнуть, что теперь она позволит врачу эту тайну вырвать. Ее нерасположение к любому новому врачу я объясняю себе обеспокоенностью, что в результате исследования (обнаружив катар) или расспросов (благодаря сведениям о недержании мочи) он придет к причине ее недуга, догадается о ее мастурбации. Потом она всегда очень пренебрежительно говорила о врачах, которых раньше, очевидно, переоценивала. [Ср. с. 143, прим.]

Обвинения отца в том, что он сделал ее больной, за которым стоит обвинение себя — *fluor albus* — игра с сумочкой — недержание мочи в шестилетнем возрасте — тайна, которую она не хочет, чтобы врачи разгадали: я считаю, что привел все косвенные доказательства мастурбации в детском возрасте. В этом случае я начал подозревать мастурбацию, когда она рассказала мне о приступах желудочных болей у кузины (см. с. 197), а затем с нею идентифицировалась, когда целыми днями жаловалась на такие же болезненные ощущения. Известно, как часто приступы желудочных болей возникают у тех, кто занимается мастурбацией. Согласно личному сообщению В. Флисса, именно такие гастралгии удается прервать путем введения кокаина в выявленные им «желудочные места» в носу и излечить посредством их прижигания¹. Дора сознательно подтвердила, что сама часто страдала коликами и что с полным основанием полагала, что кузина занимается мастурбацией. Для больных весьма характерно, что они распознают у других взаимосвязь, увидеть которую у себя самих становится невозможным из-за эмоционального сопротивления. Она уже не отрицала, хотя по-прежнему ничего не могла припомнить. Также и хронологическое приурочение недержания мочи — «незадолго

¹ [См. Флисс (1892 и 1893). Фрейд затронул эту тему в своей первой работе, посвященной неврозу тревоги (1895b, см. с. 27 данного тома).]

до появления нервной астмы» [с. 143] — я считаю пригодным для пользования в клинических целях. Истерические симптомы почти никогда не появляются, пока дети занимаются мастурбацией, они возникают только при воздержании¹ и выражают замену удовлетворения, получаемого от мастурбации, после того как желание заниматься ею сохраняется в бессознательном, пока не появляется возможность иного, более нормального удовлетворения. Последнее условие является поворотным пунктом в возможном излечении истерии с помощью брака и нормальных половых сношений. Если удовлетворение в браке опять прекращается, например из-за *coitus interruptus*², психического отчуждения и т. п., то либидо снова отыскивает свое старое русло и опять выражается в истерических симптомах.

Мне хотелось бы добавить еще надежные сведения о том, когда и вследствие какого особого влияния была подавлена мастурбация у Доры, но из-за незавершенности анализа я вынужден представить здесь неполный материал. Мы слышали, что недержание мочи сохранялось почти до первого заболевания одышкой. Единственное, что она смогла сказать для прояснения этого первого состояния, было то, что тогда впервые после своего выздоровления папа был в отъезде. В этом сохранившемся кусочке воспоминания должна была быть обозначена связь с этиологией одышки. Теперь благодаря симптоматическим действиям и другим признакам у меня были все основания предположить, что ребенок, спальня которого находилась рядом со спальней родителей, подслушал ночной визит отца к своей жене и слышал тяжелое дыхание во время контуса и без того страдающего одышкой мужчины. В таких случаях дети догадываются о сексуальном по зловещему шороху. Движения для проявления сексуального возбуждения имеются у них наготове в виде врожденных механизмов. То, что одышка и сердцебиение при истерии и неврозе тревоги являются лишь выхваченными кусками из акта совокупления, я показал еще несколько лет назад³, и во многих же случаях, таких, как случай Доры,

¹ В принципе то же самое относится к взрослым, хотя здесь бывает достаточно и относительного воздержания, ограничения мастурбации, так что при сильном либидо истерия и мастурбация могут присутствовать вместе.

² [Прерванный акт (лат.). — *Примечание переводчика.*]

³ [В первой работе Фрейда, посвященной неврозу тревоги, с. 46 выше. Намного позднее, в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926d), он предложил иное объяснение сопутствующих явлений тревоги; см. с. 273–274 ниже.]

мне удавалось свести симптом одышки, нервной астмы, к такому же поводу, к подслушиванию полового сношения взрослых. Под влиянием возникшего тогда сопутствующего возбуждения в сексуальности маленькой девочки вполне мог произойти переворот, который заменил склонность к мастурбации склонностью к тревоге. Несколько позднее, когда отец отсутствовал и влюбленный ребенок был полон тоски, она воспроизвела впечатление в виде приступа астмы. Из сохранившихся в памяти поводов к этому заболеванию можно еще догадаться о преисполненном страха ходе мыслей, который сопровождал этот приступ. Он впервые возник у нее после того, как она переутомилась во время горной прогулки, вероятно, ощутила действительную одышку [с. 99 и далее]. К ней присоединилась идея, что отцу запрещен подъем в горы, что ему нельзя перенапрягаться, потому что у него не хватает выносливости, затем воспоминание, как он напрягался ночью у мамы, тревога, не навредил ли он этим себе, затем беспокойство, не перенапряглась ли она сама, занимаясь мастурбацией, которая точно так же ведет к сексуальному оргазму, сопровождающемуся одышкой, а затем усилившееся повторение этой одышки в виде симптома. Часть этого материала мне удалось получить еще в ходе анализа, другую часть пришлось дополнить. Констатировав мастурбацию, мы увидели, что материал для темы составляется по кусочкам в разное время и в разных взаимосвязях¹.

¹ Точно таким же образом осуществляется доказательство инфантильной мастурбации и в других случаях. Материал для этого чаще всего имеет сходную природу: указания на *fluor albus*, недержание мочи, церемониальные действия с использованием рук (навязчивое умывание) и т. п. Была ли эта привычка раскрыта воспитателем, положила ли конец этому сексуальному поведению борьба с ним или неожиданный перелом, — об этом можно всякий раз говорить исходя из симптоматики случая. У Доры мастурбация осталась необнаруженной и прекратилась сразу (тайна, страх перед врачами — замена одышкой). Хотя больные постоянно оспаривают доказательную силу этих улик, даже тогда, когда воспоминание о катаре или о предостережении матери («От этого глупеют: это смертельно опасно») осталось в сознательной памяти. Но через какое-то время отчетливо появляется и так долго вытеснявшееся воспоминание об этой части детской сексуальной жизни, причем во всех случаях. У одной пациентки с навязчивыми представлениями, являвшимися непосредственными дериватами инфантильной мастурбации, запреты, наказание себя, если что-то одно она делала, а другое — нет, нежелание, чтобы ее беспокоили, включение пауз между одним действием (руками) и следующим, мытье рук и т. д. оказались сохранившимися в неизменном виде частями работы няни по отучению от дурной привычки. Предостережение: «Фу, это смертельно опасно!» — было единственным, что навсегда осталось в ее памяти. См. в этой связи также мои «Три очерка по теории сексуальности», 1905.

Тут возникает ряд важнейших вопросов, связанных с этиологией истерии: можно ли случай Доры рассматривать как типичный для этиологии, представляет ли он собой единственный тип причинной связи и т. д. Но я, несомненно, поступлю правильно, если ответы на эти вопросы дам только после сообщения большего числа аналогичным образом проанализированных случаев. Кроме того, я должен был бы начать с корректировки постановки вопроса. Вместо того чтобы ответить «да» или «нет» на вопрос, следует ли искать этиологию этого случая заболевания в детской мастурбации, я бы вначале обсудил понятие этиологии при психоневрозах. Точка зрения, исходя из которой я мог бы ответить, существенно расходилась бы с точкой зрения, на основе которой мне задается вопрос. Будет достаточно, если в нашем случае мы убедимся, что здесь можно доказать детскую мастурбацию, что она не может быть чем-то случайным и безразличным для формирования картины болезни¹. Дальнейшее понимание симптомов у Доры сулит нам выяснение значения *fluor albus*, в которых она призналась. Слово «катар», которым она научилась называть свое поражение, когда такой же недуг вынудил мать отправиться в Франценсбад [с. 146], опять-таки является «местом смены» [с. 137, прим.], открывшим в симптоме кашля доступ к выражению целого ряда мыслей о вине папы в заражении болезнью. Этот кашель, который, несомненно, происходил от незначительного действительного катара, и без того являлся подражанием обремененному таким же легочным недугом отцу и мог выражать ее сострадание и беспокойство о нем. Но вместе с тем он словно возвещал всему миру то, что ею тогда, возможно, еще не осознавалось: «Я папина дочка. У меня катар, как и у него. Он сделал меня больной так же, как сделал больной

¹ С приучением к мастурбации каким-то образом должен быть связан брат, ибо в этом контексте она с особой энергией, выдающей «покрывающее воспоминание», рассказала, что брат постоянно заражал ее всяческими инфекциями, которые сам он переносил легко, а она — тяжело. Также и в сновидении брат оберегается от «гибели»; он сам страдал недержанием мочи, но избавился от этого еще до сестры. Когда она сказала, что до первой болезни могла идти в ногу с братом, а с тех пор стала отставать от него в учебе, это в известном смысле тоже было «покрывающим воспоминанием». Словно до этого она была мальчиком и только потом стала девочкой. Она действительно была неугомонным ребенком, но после «астмы» стала тихой и скромной. Это заболевание провело ей границу между двумя фазами половой жизни, первая из которых имела мужской характер, более поздняя — женский.

маму. От него у меня порочные страсти, которые наказываются болезнью»¹.

Мы можем теперь попытаться сопоставить различные детерминации, которые мы нашли для приступов кашля и хрипоты. К самому нижнему из слоев следует отнести реальный, органически обусловленный позыв к кашлю, то есть песчинку, вокруг которой образуется жемчужная раковина. Этот раздражитель фиксируем, поскольку он касается области тела, которая в значительной степени сохранила у девочки значение эрогенной зоны. Он, стало быть, пригоден для того, чтобы дать выражение возбужденному либидо. По всей вероятности, он фиксируется благодаря первому психическому перевоплощению, имитации сострадания больному отцу, а затем вследствие упреков самой себе из-за «катара». Далее эта же группа симптомов оказывается способной изобразить отношение к господину К., сожаление из-за его отсутствия и желание быть для него лучшей женой. После того как часть либидо вновь направляется на отца, симптом получает свое, возможно, последнее значение для изображения сексуальных сношений с отцом в идентификации с госпожой К. Я мог бы ручаться за то, что этот ряд отнюдь не является полным. К сожалению, неполный анализ не позволяет по времени проследить смену значений, прояснить последовательность и сосуществование различных значений. Эти требования можно предъявлять к полному анализу.

Я не могу здесь не остановиться детально на дальнейших отношениях генитального катара и истерических симптомов Доры. В те времена, когда мы еще были далеки от психического объяснения истерии, я слышал, как старшие, опытные коллеги утверждали, что у истерических пациенток, страдающих *fluor*, обострение катара регулярно влечет за собой усугубление истерических недугов, особенно отсутствия аппетита и рвоты. Эту взаимосвязь по-настоящему никто не понимал, но я думаю, многие склонялись к мнению

¹ Такую же роль играло слово [«катар»] у четырнадцатилетней девочки, историю болезни которой я в нескольких строках привел на с. 103–103, прим. Я устроил ребенка с интеллигентной дамой, служившей у меня сиделкой, в одном пансионате. Дама сообщила мне, что маленькая пациентка не терпит ее присутствия при отходе ко сну и что в кровати у нее странный кашель, который днем вообще нельзя было услышать. Когда ребенка спросили об этом симптоме, ей пришло в голову только то, что так кашляет ее бабушка, про которую говорили, что у нее катар. Тогда стало ясно, что у нее тоже катар и что она не хочет, чтобы ее видели во время совершаемого по вечерам очищения. Катар, который посредством этого слова был смещен *снизу вверх* [см. с. 107], проявлялся даже с необычайной силой.

гинекологов, которые, как известно, в самом широком масштабе предполагают непосредственное, органически обусловленное влияние генитальных поражений на нервные функции, при этом терапевтическая проверка задачи по большей части нас подводит. При нынешнем состоянии наших знаний такое непосредственное органическое влияние нельзя считать невозможным, но во всяком случае проще доказать его психическое перевоплощение. Гордость внешним видом гениталий у наших женщин является совершенно особой частью их тщеславия; их поражения, считающиеся достаточными для того, чтобы вызывать антипатию или даже отвращение, совершенно невероятным образом действуют на женщину оскорбительно, задевают ее самолюбие, делают раздражительной, чувствительной и недоверчивой. Аномальная секреция слизистой влагалища расценивается как отвратительная.

Вспомним: после поцелуя господина К. у Доры возникло отчетливое ощущение тошноты, и мы нашли основание, чтобы дополнить ее рассказ об этой сцене с поцелуем тем, что во время объятия она почувствовала давление эрегированного члена на свое тело [с. 106]. Далее мы узнаем, что та же самая гувернантка, которую она оттолкнула от себя из-за ее неверности, донесла до нее собственный жизненный опыт, что все мужчины легкомысленны и ненадежны. Для Доры это должно было означать, что все мужчины такие, как папа. Своего же отца она считала венерическим больным, ведь у него была эта болезнь, и он заразил ею мать. Следовательно, она могла себе вообразить, что все мужчины — венерические больные, а ее понятие венерической болезни, разумеется, было сформировано на основе ее единственного и к тому же личного опыта. Таким образом, быть венерическим больным означало для нее — иметь отвратительные выделения; не было ли это еще одним обоснованием тошноты, которую она почувствовала в момент объятий? Это отвращение, перенесенное на прикосновение мужчины, было бы тогда в силу упомянутого примитивного механизма (см. с. 111—112) спроецированным и в конечном счете относилось бы к ее собственным бедам.

Я предполагаю, что речь здесь идет о бессознательных течениях мыслей, которые расположены поверх ранее образованных органических взаимосвязей подобно цветочным фестонам на проволочном каркасе, так что в другой раз можно найти проложенными другие мыслительные пути между одними и теми же начальными и конечными точками. И все же знание мыслительных связей, бывших действительными по отдельности, имеет незаменимую ценность

для устранения симптомов. То, что в случае Доры мы вынуждены прибегнуть к предположениям и дополнениям, обусловлено лишь преждевременным прекращением анализа. То, что я привожу для восполнения пробелов, сплошь опирается на другие, досконально проанализированные случаи.

Как мы выяснили, сновидение, в результате анализа которого мы получили вышеупомянутые разъяснения, соответствует намерению, с которым Дора отправляется спать. Поэтому оно повторяется каждую ночь, пока намерение не исполнено, и оно снова появляется через несколько лет, как только появляется повод возыметь аналогичное намерение. Это намерение можно сознательно высказать примерно следующим образом: «Прочь из этого дома, в котором, как я увидела, моей девственности угрожает опасность; я уезжаю с папой, а утром во время туалета приму меры предосторожности, чтобы меня не застали врасплох». Эти мысли находят свое явное выражение в сновидении; они принадлежат течению, которое достигло сознания и стало господствовать в бодрствующей жизни. Но за ним можно выявить смутно представленный ход мыслей, который соответствует противоположному течению и поэтому оказался подавленным. Он достигает своей высшей точки в искушении отдаться мужчине в благодарность за любовь и нежность, проявленные к ней в последние годы, и, возможно, вызывает воспоминание о единственном поцелуе, который она до сих пор от него получила. Но согласно теории, разработанной в моем «Толковании сновидений», таких элементов недостаточно, чтобы образовать сновидение. Сновидение является не намерением, которое изображается осуществленным, а желанием, представленным как исполненное, причем, по возможности, желанием из детской жизни. Наш долг — проверить, не опровергается ли этот тезис нашим сновидением.

Сновидение действительно содержит инфантильный материал, который на первый взгляд не находится в доступной пониманию связи с намерением сбежать из дома господина К. и от исходящего от него искушения. Почему всплывают воспоминания о недержании мочи в детском возрасте и о прилагавшихся тогда усилиях отца приучить ребенка к чистоплотности? На это можно ответить: потому что только с помощью такого хода мыслей удастся подавить интенсивные мысли об искушении и привести к власти направленное против них намерение. Ребенок решает бежать *со* своим отцом; в действительности он бежит к отцу из страха перед преследующим его мужчиной; это пробуждает инфантильную склонность к отцу, которая должна защитить его от недавно возникшей

склонности к чужому мужчине. В нынешней опасности повинен также и сам отец, который из-за собственных любовных интересов отдал на откуп дочь чужому мужчине. Но насколько красивее было бы, если бы тот же отец не любил никого другого, кроме нее, и постарался бы спасти ее от опасностей, которые ей тогда угрожали. Инфантильное и бессознательное сегодня желание поставить отца на место чужого мужчины является потенциалом, образующим сновидение. Если имелась ситуация, сходная с нынешней, но отличающаяся от нее таким замещением, то она становится основной ситуацией содержания сновидения. Таковая имеется; точно так же, как накануне господин К., когда-то перед ее кроватью стоял отец и будил ее, как, возможно, намеревался господин К., поцелуем. Таким образом, само по себе намерение сбежать из дома не может создать сновидение, оно становится способным к этому благодаря тому, что к нему присоединяется другое намерение, опирающееся на инфантильные желания. Желание заменить господина К. отцом наделяет сновидение движущей силой. Я вспоминаю толкование, к которому меня вынудил усиленный ход мыслей, относящийся к связи отца с госпожой К., что здесь пробудилась инфантильная склонность к отцу, чтобы сохранить в вытеснении вытесненную любовь к господину К. [с. 131]; этот переворот в душевной жизни пациентки отражает сновидение.

В «Толковании сновидений»¹ я привел несколько замечаний об отношении между сохраняющимися во сне мыслями бодрствующего мышления — дневными остатками — и бессознательным желанием, образующим сновидение; я процитирую их здесь в неизменном виде, ибо не могу к ним ничего добавить, а анализ этого сновидения Доры снова доказывает, что дело обстоит именно так.

«Я признаю, что существует целый класс сновидений, *стимулом* к которым преимущественно или даже исключительно служат остатки дневной жизни, и полагаю, что даже мое желание стать когда-нибудь наконец внештатным профессором², наверное, позволило бы мне проспать ту ночь спокойно, не будь по-прежнему деятельным то возникшее днем беспокойство о здоровье моего друга, если бы не было налицо остатка моей дневной заботы о друге. Но это беспокойство не создало бы еще сновидения; *движущую силу*, которая требовалась сновидению, должно было придать желание,

¹ [(1900a), глава VII, раздел В, *Studienausgabe*, т. 2, с. 534–535.]

² Это относится к анализу сновидения, взятого там в качестве образца [сновидения «Отто плохо выглядит», в главе V; см. там же, с. 273 и далее].

и уже делом самого беспокойства было раздобыть такое желание в качестве движущей силы. Приведем сравнение: вполне возможно, что дневная мысль играет для сновидения роль *предпринимателя*; но предприниматель, у которого, как говорят, есть идеи и стремление их осуществить, ничего все же не может сделать без капитала; ему нужен *капиталист*, который покроет издержки, и этим капиталистом, предоставляющим в распоряжение сновидения психический капитал, всякий раз непременно — какими бы ни были дневные мысли — является *желание из бессознательного*».

Тот, кто знаком с утонченностью структуры таких образований, как сновидение, не будет удивлен, обнаружив, что желание, чтобы отец занял место искушающего мужчины, приводит к воспоминанию не любого материала из детства, а именно такого, который поддерживает самую тесную связь с подавлением этого искушения. Ибо если Дора чувствует себя неспособной отдаться любви к этому мужчине, если вместо этого происходит вытеснение этой любви, то ни с каким другим моментом такое решение не связано теснее, чем с ее сексуальным наслаждением в раннем возрасте и его последствиями — недержанием мочи, катаром и тошнотой. Такая предыстория в зависимости от сочетания конституциональных условий может мотивировать отношение к требованиям любви в зрелые годы двойным образом, приводя либо к совершенно пассивной, доходящей до перверсии поглощенности сексуальностью либо к реакции ее отвержения в рамках невротического заболевания. Конституция и высота интеллектуального и морального воспитания сыграли у нашей пациентки решающую роль в возникновении последней.

Я хочу еще обратить особое внимание на то, что в результате анализа этого сновидения мы нашли доступ к частным подробностям патогенно действующих переживаний, которые в противном случае не были бы доступны воспоминанию или, по меньшей мере, репродукции. Воспоминание о недержании мочи в детском возрасте, как оказалось, уже было вытеснено. Подробности преследования со стороны господина К. Дора никогда не упоминала, они ни приходили ей в голову.

Еще несколько замечаний о синтезе этого сновидения¹. Работа сновидения начинается с вечера второго дня после сцены в лесу, по-

¹ [В изданиях до 1924 года этот и все последующие заключительные абзацы этого раздела были представлены в виде сноски. Относительно вопроса «синтеза» сновидений см. «Толкование сновидений» (1900a), глава VI, начало раздела В; *Studienausgabe*, т. 2, с. 309.]

сле того как Дора замечает, что не может запереть свою комнату [с. 138]. Она говорит себе: «Здесь мне угрожает серьезная опасность», — и решает не оставаться одна в доме, а уехать с папой. Это намерение способно образовать сновидение, поскольку может оставаться в бессознательном. Там ему соответствует то, что в качестве защиты от реального искушения она пробуждает инфантильную любовь к отцу. Происходящая при этом у нее перемена фиксируется и приводит ее к точке зрения, представленной ее *сверхценным* ходом мыслей (ревностью к госпоже К. из-за отца, словно Дора в него влюблена). В ней борются между собой искушение отдаться ухаживающему мужчине и смешанное сопротивление этому. Последнее состоит из мотивов добропорядочности и благоразумия, из враждебных побуждений, вызванных сообщением гувернантки (ревность, уязвленная гордость, см. ниже [с. 171—172]) и из невротического элемента, подготовленной у нее части сексуального отвращения, которое основывается на истории ее детства. Любовь к отцу, пробужденная для защиты от искушения, восходит к этой истории детства.

Сновидение превращает упроченное в бессознательном намерение спастись бегством к отцу в ситуацию, в которой желание, чтобы отец спас ее от опасности, изображается исполненным. При этом необходимо устранить стоящую на пути мысль, что именно отец и подверг ее этой опасности. С подавленным здесь враждебным побуждением (желанием отомстить) по отношению к отцу мы познакомимся как с одной из движущих сил второго сновидения [с. 165—166].

По условиям образования сновидения представленная в фантазии ситуация выбирается так, что она повторяет инфантильную ситуацию. Особый успех будет достигнут, если недавнюю ситуацию, как раз и послужившую поводом к сновидению, удастся превратить в инфантильную. Здесь это можно сделать по чистой случайности материала. Подобно тому, как господин К. стоял перед ее постелью и ее будил, точно так же в детские годы часто делал отец. Всю свою перемену ей удастся точно символизировать, заменив в этой ситуации господина К. отцом.

Но в свое время отец будил ее для того, чтобы она не намочила постель.

Это «намочить» становится определяющим для дальнейшего содержания сновидения, в котором оно, однако, представлено лишь отдаленным намеком и его противоположностью.

Противоположностью «влажного», «воды» легко может стать «огонь», «горение». Случайность, что отец по приезде в городок [Л.]

выразил страх перед опасностью огня [с. 137]. помогает понять, что опасность, от которой ее спасает отец, — это опасность пожара. На эту случайность и на противоположность «влажному» опирается выбранная ситуация образа сновидения: пожар, отец стоит перед ее кроватью, чтобы ее разбудить. Случайное высказывание отца, наверное, не получило бы такого значения в содержании сновидения, если бы оно так превосходно не согласовывалось с торжествующим течением ее чувств, в котором отца хочется видеть помощником и спасителем. По приезде он сразу заподозрил опасность и был прав! (В действительности именно он подверг девушку этой опасности.)

В мыслях сновидения вследствие легко устанавливаемых связей на долю «влаги» выпадает роль узлового пункта для нескольких кругов представлений. «Влага» относится не только к недержанию мочи, но и кругу мыслей о сексуальном искушении, которые, будучи подавленными, стоят за этим содержанием сновидения. Она знает, что при сексуальном сношении тоже имеется что-то влажное, что при совокуплении мужчина дарит женщине что-то жидкое *в форме капель*. Она знает, что именно в этом и состоит опасность, что перед нею стоит задача оберегать гениталии от увлажнения.

«Влагой» и «каплями» одновременно открывается другой круг ассоциаций, касающихся отвратительного катара, который, по-видимому, в ее более зрелые годы имел то же постыдное значение, что и недержание мочи в детстве. «Влажное» здесь равнозначно «грязному». Гениталии, которые должны держаться в чистоте, уже загрязнены катаром, впрочем, у мамы точно так же, как и у нее (с. 146). Она, видимо, понимает, что страсть мамы к чистоте является реакцией на это загрязнение.

Оба круга совпадают в одном: то и другое, сексуальную влагу и загрязняющий *fluor*, мама получила от папы. Ревность к маме неотделима от круга мыслей о вызванной здесь для защиты инфантильной любви к отцу. Однако быть изображенным этот материал еще не способен. Но если найдется воспоминание, которое находится в столь же тесных отношениях с обоими кругами «влажного» и вместе с тем избегает предосудительного, то оно сможет взять на себя представительство в содержании сновидения.

Такое находится в случае с «каплями», которые мама хотела иметь в качестве украшения [с. 140]. По-видимому, связь этой реминисценции с обоими кругами представлений о сексуальной влаге и загрязнении является внешней, поверхностной, опосредованной словами, ибо «капли» используется как «место смены», как двусмысленное слово [с. 137, прим. 1], а «украшение» — во многом

как «чистое», как несколько натянутое противопоставление «загрязненному». В действительности можно доказать самые прочные содержательные связи. Воспоминание восходит к материалу, который относится к имеющей инфантильные корни, но сохраняющейся ревности к маме. Через оба словесных мостика все значение, связанное с представлениями о сексуальном сношении между родителями, о заболевании *fluor* и о мучительном наведении чистоты мамой, может перенестись на реминисценцию о «капельвидных украшениях».

И все же в содержании сновидения должно произойти еще одно смещение. Не «капли», близкие первоначальной «влаге», а более отдаленное «драгоценности» попадает в сновидение. Таким образом, включение этого элемента в уже зафиксированную ситуацию сна могло бы обозначать следующее: мама все еще хочет спасти свою драгоценность. Теперь в новой модификации — «шкатулка для драгоценностей» — дополнительно проявляется влияние элементов, относящихся к кругу представлений об искушении господином К. Господин К. подарил не драгоценности, а «шкатулку» для них [с. 140], представительство всех знаков внимания и нежностей, за которые она должна была быть теперь благодарна. А возникшая сейчас комбинация слов «шкатулка для драгоценностей» имеет еще особое замещающее значение. Не является ли «шкатулка для драгоценностей» употребительным образом для незапятнанных, девственных женских гениталий? А с другой стороны, безобидным словом, которое прекрасно подходит для того, чтобы и обозначать, и скрывать сексуальные мысли, стоящие за сновидением?

Итак, в содержании сновидения в двух местах говорится: «Мамина шкатулка для драгоценностей», — и этот элемент замещает упоминание об инфантильной ревности, каплях, то есть о сексуальной влаге, загрязнении белями, а с другой стороны, об актуальных ныне искушающих мыслях, которые требуют взаимной любви и расписывают предстоящую — страстно желаемую и угрожающую — сексуальную ситуацию. Элемент «шкатулка для драгоценностей» как никакой другой является результатом сгущения и смешения, а также компромиссом между противоположными течениями. На его комбинированное происхождение — из инфантильных, а также актуальных источников, — вероятно, указывает его двукратное появление в содержании сновидения.

Сновидение является реакцией на свежее, возбуждающе действующее переживание, которое неизбежно должно пробудить воспоминание о единственном аналогичном переживании прошлых

лет. Речь идет о сцене с поцелуем в лавке, когда появилась тошнота. Но к этой же сцене можно ассоциативно прийти из другого места, из круга мыслей о катаре (ср. с. 152) и из актуального искушения. Таким образом, она вносит собственный вклад в содержание сновидения, который должен быть приведен в соответствие с подготовленной ситуацией. Горит... поцелуй, видимо, отдает дымом, то есть она чувствует запах дыма в содержании сновидения, который сохраняется и после пробуждения [с. 144].

К сожалению, в анализе этого сновидения по невнимательности я оставил один пробел. Отцу была вложена в уста фраза: «Я не хочу, чтобы оба моих ребенка и т. д. (из мыслей сновидения здесь можно, пожалуй, добавить: из-за последствий мастурбации) погибли». Обычно такая речь в сновидении состоит из частей реальной, произнесенной или услышанной, речи¹. Я должен был бы выяснить реальное происхождение этой фразы. Хотя в результате этих расспросов построение сновидения стало бы более путанным, вместе с тем это, несомненно, позволило бы прояснить его еще больше.

Следует ли предположить, что это сновидение имело тогда в Л. точно такое же содержание, что и при его повторении во время лечения? Это представляется необязательным. Опыт показывает, что люди часто утверждают, будто видели один и тот же сон, тогда как отдельные эпизоды повторяющегося сновидения отличаются многочисленными деталями и, кроме того, существенными изменениями. Так, одна из моих пациенток сообщает, что сегодня ей снова приснился всегда повторяющийся одинаковым образом ее любимый сон, будто она плавает в синем море, с наслаждением бороздя волны, и т. д. Более детальные расспросы показывают, что на этот общий фон всякий раз наносится то одна деталь, то другая; более того, однажды она плавала в замерзшем море между айсбергами. Другие сновидения, которые она сама уже не пытается выдать за одинаковые, оказываются тесно связанными с повторяющимися. Например, она видит на фотографии одновременно нижний и верхний Гельголанд² в реальных размерах, на море корабль, на котором находятся два ее знакомых молодых человека и т. д.

Несомненно, что сновидение, приснившееся Доре во время лечения — возможно, не меняя своего явного содержания, — приобрело новое актуальное значение. Оно включило в свои мысли связь

¹ [Ср. «Толкование сновидений» (1900a), глава VI (E), *Studienausgabe*, т. 2, с. 406 и далее.]

² [Остров в Северном море. — *Примечание переводчика.*]

с моим лечением и соответствовало возобновлению тогдашнего намерения избежать опасности. Если память ее не обманывала, когда она утверждала, что еще в Л. после пробуждения чувствовала запах дыма, то следует признать, что мое высказывание «Нет дыма без огня» [с. 144] она очень умело подвела под уже готовую форму сновидения, где оно, видимо, используется для сверхдетерминации последнего элемента. Неоспоримой случайностью явилось то, что последний актуальный повод — мать закрыла на ключ столовую, из-за чего брат оказался запертым в своей спальне [с. 136 и далее] — создал связь с приставаниями господина К. в Л., где созрело ее решение, после того как она не смогла запереть свою спальню. Возможно, что в тогдашних сновидениях брат не присутствовал, а потому высказывание «оба моих ребенка» вошло в содержание сновидения только после последнего повода.

III ВТОРОЕ СНОВИДЕНИЕ

Через несколько недель после первого случилось второе сновидение, с разрешением которого анализ прервался. Его не удалось сделать таким же полностью ясным, как первое, но оно принесло желательное подтверждение ставшей необходимой гипотезы о душевном состоянии пациентки [с. 170], заполнило пробел в памяти [с. 171] и позволило глубже понять возникновение другого ее симптома [с. 168].

Дора рассказала: *Я гуляю по какому-то неизвестному мне городу, вижу улицы и площади, которые мне незнакомы¹. Затем я захожу в дом, в котором живу, иду в мою комнату и нахожу там письмо мамы. Она пишет: так как я, не известив родителей, ушла из дома, она не хотела мне писать, что папа заболел. Теперь он умер, и если ты хочешь², можешь вернуться. Тогда я иду на вокзал и, наверное, сотню раз спрашиваю, где находится вокзал. Я всегда получаю ответ: «В пяти минутах». Затем я вижу перед собой густой лес, в который вхожу, и спрашиваю повстречавшегося мне там мужчину. Он говорит мне: «Еще два с половиной часа»³. Он предлагает меня проводить. Я отказываюсь и иду одна. Я вижу перед собой вокзал и не могу до него добраться. При этом появляется обычное чувство тревоги, когда во сне не можешь двигаться дальше. Затем я оказываюсь дома, между тем я должна была ехать, но я ничего об этом не знаю. Вхожу в швейцарскую и спрашиваю, кто дома. Служанка открывает мне и говорит: «Мама и все остальные уже на кладбище»⁴.*

Толкование этого сновидения осуществлялось не без трудностей. Вследствие своеобразных, связанных с его содержанием об-

¹ К этому важное дополнение: «На одной площади я вижу монумент».

² К этому дополнение: «Возле этого слова стоял знак вопроса: хочешь?»

³ Во второй раз она повторяет: «Два часа».

⁴ К этому два дополнения на следующем сеансе: «Я особенно отчетливо вижу, как поднимаюсь по лестнице», и: «После ее ответа я иду, но совсем не печальная в мою комнату и читаю большую книгу, которая лежит на моем письменном столе».

стоятельств, при которых мы прекратили анализ, не все было прояснено, и с этим опять-таки связано то, что мои воспоминания о последовательности обнаружений не везде сохранились одинаково надежно. Предваряя, я также скажу, какую тему мы продолжали анализировать, когда вмешалось это сновидение. С какого-то времени Дора сама задавала вопросы о взаимосвязи ее действий с предполагаемыми мотивами. Одни из этих вопросов гласил: «Почему в первые дни после сцены на озере я об этом молчала?» Второй: «Почему затем я вдруг рассказала об этом родителям?» Почему она почувствовала себя столь обиженной из-за ухаживаний К., я вообще счел пока еще невыясненным, к тому же я начал понимать, что ухаживание за Дорой также и для господина К. не означало легкомысленную попытку соблазнения. То, что об этом происшествии она поставила в известность родителей, я истолковал как действие, которое уже находилось под влиянием болезненной мстительности. Нормальная девушка, по моему мнению, сама справится с такими проблемами.

Таким образом, я буду приводить материал, появившийся для анализа этого сновидения, не совсем упорядоченно — так, как он всплывает в моей памяти.

Она блуждает одна в незнакомом городе, видит улицы и площади. Она уверяет, что это определенно не Б., как я вначале предполагал, а город, в котором она никогда не была. Напрашивалась мысль продолжить: «Вы могли, наверное, видеть картины или фотографии из позаимствовать из них образы сновидения». После этого замечания появилось дополнение о монументе на площади и тут же затем сведение об источнике. К рождественским праздникам¹ она получила в подарок альбом с видами одного немецкого курорта и как раз вчера искала его, чтобы показать гостившим у них родственникам. Он лежал в коробке, которая не сразу нашлась, и она спросила у мамы: «Где коробка?»² На одной из картинок изображена площадь с монументом. Дарителем же был молодой инженер, мимолетное знакомство с которым состоялось когда-то в фабричном городке. Молодой человек устроился на работу в Германии, чтобы быстрее добиться самостоятельности, использовал любую возможность, чтобы о себе напомнить, и нетрудно было догадаться, что

¹ [Сон приснился через несколько дней после Рождества (см. с. 171).]

² В сновидении она спрашивает: «Где находится вокзал?» Из такого сближения я сделал вывод, о котором расскажу позднее [с. 164].

он намеревался в свое время, когда улучшится его положение, по-свататься к Доре. Но для этого еще требовалось время, то есть нужно было подождать.

Блуждание по незнакомому городу было сверхдетерминировано. Оно напомнило об одном дневном поводе. На праздники в гости приехал один юный кузен, которому она должна была показать Вену. Этот дневной повод, разумеется, был совершенно нейтральным. Но двоюродный брат напомнил ей о коротком первом пребывании в Дрездене. Тогда, будучи иностранкой, она бродила по городу, естественно, не преминула посетить знаменитую галерею. Другой двоюродный брат, который был вместе с ними и хорошо знал Дрезден, хотел провести ее по галерее. *Но она ему отказала и пошла одна, останавливаясь перед понравившимися ей картинами.* Перед «Сикстинской мадонной» она провела *два часа* в безмолвном мечтательном восхищении. На вопрос, что ей так понравилось в этой картине, она не могла ответить ничего вразумительного. Наконец, она сказала: «Мадонна».

То, что эти мысли действительно принадлежат материалу, образующему сновидение, все-таки несомненно. Они включают компоненты, которые мы снова находим неизменными в содержании сновидения (она отказала ему и пошла одна — два часа). Я уже замечаю, что «картины» соответствуют узловому пункту в ткани мыслей этого сновидения (картины в альбоме — картины в Дрездене). Также и тему *мадонны*, девственной матери, мне хочется выхватить, чтобы проследить ее дальше. Но прежде всего я вижу, что в этой первой части сновидения она идентифицируется с молодым человеком. Он блуждает на чужбине, стремится достичь цели, но дело затягивается, ему требуется терпение, он вынужден ждать. Если при этом она думала об инженере, то, несомненно, этой целью должно было быть обладание женщиной, ею самой. Но вместо этого целью был вокзал, который, исходя из отношения вопроса в сновидении к действительно заданному вопросу, мы, разумеется, можем заменить на *коробку*. Коробка и женщина — это согласуется уже лучше.

Она спрашивает, наверное, сотню раз... Это приводит к другому, менее индифферентному поводу к сновидению. Вчера после звонкого вечера отец попросил ее принести коньяку; он не заснет, если не выпьет коньяк. Она попросила у матери ключ от шкафа в столовой, но та была увлечена разговором и не дала ей ответа, пока она не воскликнула, преувеличивая от нетерпения: «Я уже *сто раз* тебя спро-

сила, где ключ». На самом деле, конечно, она *повторила* вопрос лишь около *пяти раз*¹.

«Где ключ?» мне представляется мужским эквивалентом вопроса: «Где коробка?» (См. первый сон, с. 138.) То есть это вопросы о гениталиях.

На том же самом званом вечере родственников кто-то произнес тост за папу и выразил надежду, что он еще долго будет в лучшем здравии и т. д. При этом усталое лицо отца странным образом вздрогнуло, и она поняла, какие мысли он подавил. Несчастнейший больной человек! Кто мог знать, сколько ему еще суждено прожить.

Тем самым мы подошли к содержанию письма в сновидении. Отец умер, она самовольно ушла из дома. Когда зашла речь о письме в сновидении, я тотчас напомнил ей о прощальном письме, которое она написала родителям или во всяком случае которое предназначалось им. Это письмо должно было повергнуть в ужас отца и тем самым отвратить от госпожи К., или, по меньшей мере, отомстить ему, если не удастся его на это подвигнуть. Мы соприкасаемся с темой ее смерти и смерти ее отца (позднее — *кладбище* в сновидении). Будет ли заблуждением, если предположить, что ситуация, которая образует фасад сновидения, соответствует фантазии о мести отцу? Сострадательные мысли накануне сновидения с этим вполне согласуются. Но фантазия гласит: «Она уходит из дома на чужбину, и у отца разбивается сердце от этого горя, от тоски по ней». Тогда она была бы отмщена. Она очень хорошо понимала, чего не хватало отцу, который не мог сейчас заснуть без коньяка².

Мы хотим отметить *мстительность* в качестве нового элемента для последующего синтеза мыслей сновидения.

Однако содержание письма должно было допускать и другую детерминацию. Откуда взялось добавление: «*Если ты хочешь?*»

¹ В содержании сновидения число пять стоит при указании времени: пять минут. В моей книге о толковании сновидений я на нескольких примерах показал, каким образом сновидение обращается с имеющимися числами в своих мыслях; часто оказывается, что они вырваны из своих взаимосвязей и вставлены в новые. [«Толкование сновидений» (1900a), глава VI, вторая половина раздела Ж. *Studienausgabe*, т. 2, с. 402 и далее.]

² Сексуальное удовлетворение, несомненно, является лучшим снотворным, точно так же, как бессонница чаще всего является следствием неудовлетворенности. Отец не спал, потому что у него не было полового сношения с любимой женщиной. Ср. с этим нижеследующее: «Я ничего не получаю от моей жены». [Ср. также слова отца Доры, приведенные на с. 104.]

Здесь ей пришло в голову дополнение, что за словом «хочешь» стоял вопросительный знак, и вместе с тем она также распознала эти слова как цитату из письма госпожи К., содержавшего приглашение в Л. (на озеро). В этом письме после вставки: «Если ты хочешь поехать» — посредине предложения странным образом стоял вопросительный знак.

Таким образом, мы снова пришли к сцене на озере и к загадкам, которые с нею связаны. Я попросил ее еще раз подробно рассказать мне эту сцену. Вначале она привела не много нового. Господин К. собирался сказать что-то серьезное; но она не позволила ему договорить до конца. Как только она поняла, о чем идет речь, она ударила его по лицу и поспешила прочь. Я хотел знать, какие слова он использовал; она помнила только его мотивировку: «Знаете, я ничего не получаю от моей жены»¹. Затем, чтобы с ним больше не встретиться, она захотела отправиться в Л. пешком вокруг озера и *спросила мужчину, который ей повстречался, как далеко дотуда*. После его ответа: «*Два с половиной часа*», — она отказалась от этого намерения и вновь разыскала судно, которое вскоре отчалило. Господин К. тоже был здесь, он подошел к ней, попросил извинить его и ничего не рассказывать об этом происшествии. Но она ничего не ответила. Да, лес в сновидении был очень похож на лес на берегу озера, где разыгралась эта только что заново описанная сцена. Но точно такой же густой лес она видела вчера на картине на выставке сецессионистов². На заднем плане картины были изображены *нимфы*³.

Теперь подтвердилось одно мое подозрение. *Вокзал* [Bahnhof]⁴ и *кладбище* [Friedhof] вместо женских гениталий было явно достаточно, но мое обостренное внимание было направлено на аналогичным образом образованное «*преддверие*» [Vorhof], анатомический термин для обозначения определенной области женских гениталий. Но это могло быть и забавным заблуждением. Теперь, когда добавились нимфы, которые видны на фоне «густого леса», сомнения уже были непозволительны. Это была символическая сексуальная география! Нимфами, как известно врачам, но не дилетан-

¹ Эти слова приведут к решению одной нашей загадки [с. 172].

² [«Сецессион» — название ряда объединений немецких и австрийских художников конца XIX — начала XX века. — *Примечание переводчика.*]

³ Здесь в третий раз картина (городские виды, галерея в Дрездене), но в гораздо более важной взаимосвязи. Благодаря тому, что изображено на картине [Bild], она становится *бабенкой* [Weibsbild] (лес, нимфы).

⁴ Впрочем, «вокзал» служит «сношению». Психологическая обличовка многих случаев страха перед железной дорогой.

там, впрочем, и первым далеко не всем, называют малые половые губы на фоне «густого леса» лобка. Но тот, кто использовал такие технические названия, как «преддверие» и «нимфы», должен был черпать свои знания из книг, причем не из популярных, а из анатомических учебников или из энциклопедического словаря, обычно-го прибежища снедаемой сексуальным любопытством молодежи. Таким образом, за первой ситуацией сновидения скрывалась, если это толкование было правильным, фантазия о дефлорации, о том, как мужчина пытается проникнуть в женские гениталии¹.

Я поделился с ней своими выводами. Это, должно быть, произвело убедительное впечатление, ибо тут же появилась забытая частица сновидения: *она спокойно² идет в свою комнату и читает большую книгу, которая лежит на ее письменном столе*. Акцент здесь делается на обеих деталях: спокойно и большая, когда говорится о книге. Я спросил: «Она была энциклопедического формата?» Дора ответила утвердительно. Но дети никогда не читают *спокойно* о запретных материях в энциклопедии. Они дрожат от страха и тревожно озираются, как бы кто-нибудь не вошел. Родители очень мешают такому чтению. Но сила сновидения, исполняющая желание, существенно улучшила неудобную ситуацию. Отец был мертв, а остальные уже уехали на кладбище. Она могла спокойно читать все, что угодно. Не означало ли это, что одним из поводов к мести был протест против диктата родителей? Если отец был мертв, то тогда она могла читать или любить так, как ей хотелось. Вначале она вообще не могла припомнить, что когда-либо читала энциклопедический словарь, затем призналась, что одно такое

¹ Фантазия о дефлорации является вторым элементом этой ситуации. Подчеркивание трудности в продвижении и испытываемый в сновидении страх указывают на охотно выставляемую напоказ девственность, намек на которую через «Сикстинскую мадонну» мы обнаруживаем в другом месте. Эти сексуальные мысли составляют бессознательный фон для сохраняемых, возможно, лишь в тайне желаний, которые связаны с ожидающимся в Германии женихом. В качестве первого элемента этой же ситуации сновидения мы познакомились с фантазией о мести [с. 165]; обе фантазии перекрывают друг друга не полностью, а лишь частично. Следы третьего — еще более важного — хода мысли мы обнаружим позднее. [Ср. с. 174, прим. 1.]

² В другой раз вместо «спокойно» она сказала «совсем не печальная» (с. 162, прим. 4). Я могу расценивать этот сон как новое доказательство правильности утверждения, содержащегося в «Толковании сновидений» (глава VII, раздел А; *Studienausgabe*, т. 2, с. 496–497) [см. также с. 144 выше], что вначале забытые и вспоминаемые задним числом части сновидения всегда являются самыми важными для понимания сна. Там я делаю вывод, что также и забывание сновидений нуждается в объяснении через интрапсихическое сопротивление. [Первое предложение в этой сноске было добавлено в 1924 году.]

воспоминание у нее всплыло, правда, безобидного содержания. К тому времени, когда любимая тетьа была тяжело больна и уже было решено, что она отправится в Вену, от другого *дяди* пришло письмо, что они не смогут приехать, потому что один из детей, то есть двоюродный брат Доры, опасно заболел аппендицитом. Тогда она справилась в словаре, какие симптомы при аппендиците. Из того, что она прочла, она еще помнит об особой локализации боли в теле.

Теперь я вспоминаю, что вскоре после смерти тети она перенесла в Вене мнимый аппендицит [с. 100]. До сих пор я не решался причислять это заболевание к ее истерическим проявлениям. Она рассказала, что в первые дни у нее была высокая температура и она ощущала в животе ту же самую боль, о которой прочитала в энциклопедии. Ей прописали холодные компрессы, но она их не переносила; на второй день на фоне сильных болей у нее начались — весьма нерегулярные с тех пор, как она заболела, — месячные. Тогда же она постоянно страдала запорами.

Но было бы неправильно понимать это состояние как чисто истерическое. Хотя истерический жар, несомненно, бывает, тем не менее представляется произвольным относить повышенную температуру данного заболевания к истерии, а не к органической, действовавшей тогда причине. Я хотел было вновь отказаться идти по этому следу, как она сама помогла продвинуться дальше, сделав последнее дополнение к сновидению: *она совершенно отчетливо видит, как поднимается по лестнице.*

Для этого, разумеется, мне потребовалась особая детерминация. Ее возражение, высказанное, пожалуй, не совсем всерьез, что ей нужно подняться по лестнице, если она хочет оказаться в своей-расположенной этажом выше квартире, я смог легко опровергнуть следующим замечанием: если в сновидении она приезжает из незнакомого города в Вену и при этом может обойтись без поездки по железной дороге, то с таким же успехом может не считаться в сновидении и со ступенями лестницы. Она продолжала рассказывать: после аппендицита она плохо ходила, поскольку волочила правую ногу. Так продолжалось долго, и поэтому она старалась избегать лестниц. Да и теперь иногда нога отстает. Врачи, консультировавшие ее по настоянию отца, были очень удивлены этим совершенно необычным последствием аппендицита, особенно из-за того, что боль в теле больше не появлялась и никоим образом не сопровождала волочение ноги¹.

¹ Между болями в животе, называемыми овариапгней, и нарушением ходьбы из-за ноги, расположенной на той же стороне тела, можно предположить

Таким образом, это был настоящий истерический симптом. Даже если температура имела тогда органическую причину — например, столь часто встречающиеся заболевания гриппом без особой локализации, — все же было установлено, что невроз воспользовался этим случаем, чтобы использовать его для собственных проявлений. Стало быть, Дора обзавелась болезнью, о которой спрашивалась в энциклопедии, наказала себя за это чтение и должна была сказать себе, что наказание не могло относиться к прочтению безобидной статьи, а возникло в результате смещения, после того как к этому чтению присоединилось другое, не столь невинное чтение, которое сегодня скрывалось в памяти за воспоминанием о прочтении тогда же безобидной статьи¹. Пожалуй, оставалось исследовать, на какие темы она читала тогда статьи.

Что же означало состояние, желавшее подражать перитифлиту? Последствие поражения, волочение ноги, которое совершенно не соответствовало перитифлиту, должно было, скорее, относиться к тайному, например сексуальному, значению картины болезни и в свою очередь, если бы его удалось прояснить, могло пролить свет на это искомое значение. Я пытался найти подход к решению этой загадки. В сновидении несколько раз речь шла о времени; время действительно не является безразличным для любого биологического события. Поэтому я спросил, когда случился этот аппендицит, до или после сцены на озере. Быстрым, сразу разрешающим все затруднения ответом было: через девять месяцев. Этот срок весьма специфичен. Таким образом, мнимый аппендицит своими скромными средствами, имевшимися в распоряжении пациентки, болями и менструацией, реализовал фантазию *о родах*². Разумеется, она знала значение этого срока и не могла оспаривать вероятность того, что тогда же прочла в энциклопедии о беременности и родах. Но что же было с волочащейся ногой? Теперь я мог попробовать догадаться. Так ходят, когда оступаются. Стало быть, она сделала «неправиль-

соматическую взаимосвязь, которая здесь у Доры подвергается особенно специализированному истолкованию, то есть психическому напластованию и использованию. Ср. аналогичное замечание при анализе симптомов кашля и взаимосвязи катара и отсутствия аппетита.

¹ Совершенно типичный пример возникновения симптомов из поводов, якобы не имеющих с сексуальностью ничего общего.

² Я уже отмечал [с. 102], что большинство истерических симптомов, если они приняли свою окончательную форму, изображают представленную в фантазии ситуацию, относящуюся к сексуальной жизни, то есть сцену сексуального сношения, беременности, родов, послеродового периода и т. п.

ный шаг», совершенно верно, если через девять месяцев после сцены на озере она могла разрешиться. Только я должен был выдвинуть еще одно требование. Такие симптомы — по моему убеждению — можно получить лишь тогда, когда для них имеется *инфантильный* прототип. Воспоминания, имеющиеся о впечатлениях более позднего времени, не обладают, как я вынужден констатировать исходя из своего прежнего опыта, силой, чтобы проявить себя в виде симптомов. Едва ли я смел надеяться, что она предоставит мне желательный материал из детского времени, ибо в действительности я еще не могу повсеместно выдвигать вышеуказанный тезис, в который мне хочется верить. Но здесь подтверждение появилось *тут же*. Да, однажды ребенком она подвернула эту же ногу, спускаясь по лестнице, когда они жили в Б., она соскользнула со ступеньки; нога, причем это была та же нога, которую она позднее волочила, опухла, пришлось наложить бандаж, несколько недель она провела в покое. Это случилось незадолго до нервной астмы в восьмилетнем возрасте [с. 99].

Теперь оставалось использовать доказательство этой фантазии: «Если через девять месяцев после сцены на озере вы разрешаетесь родами, а затем по сей день вам не дают покоя последствия неверного шага, то это доказывает, что в бессознательном вы сожалели об исходе сцены. Поэтому в своем бессознательном мышлении вы его исправили. Предпосылкой для вашей фантазии о родах является то, что тогда что-то произошло¹, что тогда вы познали и пережили все то, о чем вам позднее довелось узнать из энциклопедии. Вы видите, что ваша любовь к господину К. не закончилась той сценой, что она, как я уже утверждал, продолжается и поныне — правда, бессознательно для вас. Этого она теперь уже не отрицала².

¹ Таким образом, фантазия о дефлорации [с. 166–167] находит свое применение к господину К., и становится ясно, почему та же самая область содержания сновидения содержит материал из сцены на озере. (Отказ, два с половиной часа, лес, приглашение в Л.)

² Некоторые дополнения к предыдущим толкованиям: «мадонна», очевидно, — она сама, во-первых, из-за «поклонника», который прислал ей картинки [с. 163–164], затем потому, что любовь господина К. она завоевала прежде всего благодаря своему материнскому отношению к его детям [с. 103], и, наконец, потому, что еще девушкой она уже имела ребенка в своей фантазии о родах. Впрочем, «мадонна» является излюбленным возражением, если девушка находится под гнетом сексуальных обвинений, что, несомненно, относится также и к Доре. Первое представление об этой взаимосвязи я получил, будучи врачом психиатрической клиники, в одном случае галлюцинаторной спутанности с быстрым течением, которая возникла как реакция на упрек жениха.

Материнская тоска по ребенку при продолжении анализа, вероятно, была бы раскрыта в качестве смутного, но властного мотива ее поведения. Многие

Эта работа по объяснению второго сновидения потребовала двух сеансов. Когда по завершении второго сеанса я выразил свое удовлетворение от достигнутого, она ответила пренебрежительно: «И что же такое важное тут обнаружилось?», — и этим подготовила меня к дальнейшим откровениям.

Третий сеанс она начала словами: «Вы знаете, господин доктор, что сегодня я здесь в последний раз?» — Я не могу этого знать, так как вы мне ничего об этом не говорили. — «Да, я решила, что до Нового года¹ я еще это выдержу; но дольше излечения я ждать не хочу». — Вы знаете, что всегда вольны уйти. Но сегодня мы еще хотим поработать. Когда вы приняли решение? — «Я думаю, четырнадцать дней назад». — Это звучит как 14-дневное уведомление служанке, гувернантке. — «Гувернантка, которая получила уведомление, была также у К., когда я навестила их на озере в Л.». — Вот как? О ней вы никогда еще не рассказывали. Пожалуйста, расскажите.

«Что ж, в доме в качестве гувернантки жила молодая девушка, которая проявляла очень странное отношение к господину К. Она с ним не здоровалась, не отвечала ему, ничего не подавала ему за столом, если он о чем-то просил, словом, полностью его игнорировала. Впрочем, и он тоже был с ней не намного вежливее. За один

вопросы, которые она подняла в последнее время, являются своего рода поздними отголосками вопросов, связанных с сексуальным любопытством, которые она пыталась удовлетворить с помощью энциклопедии. Можно предположить, что она справлялась там о беременности, родах, девственности и на аналогичные темы. Один из вопросов, которые можно включить в контекст второй ситуации сновидения, при воспроизведении сна она забыла. Это мог быть голько вопрос: «Господин *** здесь живет?» или: «Где живет господин ***?» То, что она забыла этот внешне невинный вопрос, после того как вообще включила его в сновидение, должно иметь свою причину. Я нахожу эту причину в самой фамилии, которая одновременно имеет значение предмета, причем не одно, то есть может быть приравнена к «двузначному» слову К сожалению, я не могу сообщить эту фамилию, чтобы показать, насколько умело она была использована для обозначения «двузначного» и «неприличного». Это толкование подтверждается, когда в другой области сновидения, где материал восходит к воспоминаниям о смерти тети, во фразе «Они уже уехали на кладбище» мы также находим словесный намек на фамилию тети. В этих непристойных словах, пожалуй, имелось указание на другой *устный* источник, поскольку для них словаря недостаточно. Я бы не удивился, услышав, что сама госпожа К., клеветница, и была этим источником [ср. с. 135]. Тогда Дора великодушно пощадила бы именно ее, тогда как других людей она преследовала чуть ли не со злобной мстостью; за почти необозримым рядом смещений, которые проявляются таким образом, можно было бы предположить простой мотив — глубоко коренящуюся гомосексуальную любовь к госпоже К. [Ср. с. 133 и далее, а также с. 184, прим.]

¹ Это было 31 декабря.

или два дня до сцены на озере девушка отозвала меня в сторонку: она должна мне что-то сообщить. Затем она рассказала мне, что в то время, когда госпожа несколько недель отсутствовала, господин К. сблизился с ней, настойчиво за ней ухаживал и попросил ее ему услужить; он ничего не получает от своей жены и т. д.» — Ведь это те же слова, которые он затем употребил, ухаживая за вами, когда вы ударили его по лицу [с. 166]? — «Да. Она отдалась ему, но спустя короткое время он ею больше не интересовался, и с тех пор она его возненавидела». — И эта гувернантка была уволена? — «Нет, она хотела уволиться. Она мне сказала, что сразу после того как почувствовала себя брошенной, сообщила о происшествии своим родителям, которые являются порядочными людьми и живут где-то в Германии. Родители потребовали, чтобы она немедленно оставила дом, а затем, когда она это не сделала, написали ей, что не хотят ее больше знать, ей не позволено возвращаться домой». — И почему она не ушла? — «Она сказала, что хочет еще немного подождать, быть может, у господина К. что-то изменится. Так жить она не выдержит. Если никаких перемен она не увидит, то заявит об увольнении и уйдет». — И что потом стало с девушкой? — «Я знаю только, что она ушла». — Не получила ли она от этого похождения ребенка? — «Нет».

Таким образом, здесь — как, впрочем, это обычно бывает — в середине анализа проявилась часть фактического материала, которая помогла решить ранее поднятые проблемы. Я мог сказать Доре: «Теперь я знаю мотив той пощечины, которой вы ответили на ухаживания. Это была не обида из-за сделанного вам предложения, а ревнивая месть. Когда фрейлейн рассказала свою историю, вы еще воспользовались своим умением устранять все, что не соответствовало вашим чувствам. В тот момент, когда господин К. употребил слова: «Я ничего не получаю от моей жены», которые он также говорил фрейлейн, у вас пробудились новые чувства, и чаша весов закачалась. Вы сказали себе: «Он смеет обращаться со мной как с гувернанткой, прислугой?» Это уязвленное самолюбие добавилось к ревности и к сознательным разумным мотивам: «Ну, это уже чересчур»¹. В доказательство того, что вы находитесь под впечатлением истории с фрейлейн, я приведу вам повторяющиеся идентификации с нею в сновидении и в вашем поведении. Вы говорите

¹ Возможно, было безразличным, что ту же самую жалобу на жену, значение которой она хорошо понимала, она могла слышать и от отца, так же, как ее слышал я из его уст [с. 104].

родителям то, что мы до сих пор не понимали, так же, как девушка написала об этом родителям. Вы увольняете меня, как гувернантку с 14-дневным уведомлением. Письмо в сновидении, позволяющее вам приехать домой, является противоположностью письму от родителей фрейлейн, которые запретили ей это.

«Почему же тогда я не сразу рассказала об этом родителям? Сколько же прошло времени?»

«Сцена произошла в последний день июня; 14 июля я рассказала об этом матери».

Итак, опять четырнадцать дней — срок, характерный для прислуги! Теперь я могу ответить на ваш вопрос. Вы очень хорошо понимали бедную девушку. Она не хотела уйти сразу, потому что еще надеялась, потому что еще ожидала, что господин К. снова проявит к ней свою нежность. Это, видимо, было и вашим мотивом. Вы выжидали срок, чтобы посмотреть, не возобновит ли он свое ухаживание; из этого вы сделали бы вывод, что для него это было серьезным и что он не хотел с вами позабавиться, как с гувернанткой.

«В первые дни после отъезда он еще прислал видовую открытку»¹.

Да, но когда затем ничего не произошло, вы дали волю своей мести. Я могу даже себе представить, что тогда еще было место для задней мысли — посредством обвинения подвигнуть его к приезду в ваш дом.

«...Как он вначале нам и предлагал», — заметила она.

Тогда ваша тоска по нему была бы утолена, — тут она кивнула, в знак согласия, чего я не ожидал, — и он мог бы дать вам удовлетворение, которого вы желали.

«Какое удовлетворение?»

Я начинал подозревать, что отношения с господином К. вы воспринимали намного серьезней, чем до сих пор хотели представить. Не часто ли между К. заходила речь о разводе?

«Конечно, но сначала она не хотела этого из-за детей, а теперь она хочет, но уже не хочет он».

Не думали ли вы, что он хочет развестись со своей женой, чтобы жениться на вас? И что теперь он этого уже не хочет, потому что у него нет замены? Правда, два года назад вы были очень юны, но вы сами рассказывали мне о маме, что в 17 лет она была обручена, а затем два года ждала своего мужа. История любви матери обычно

¹ Это привязка к инженеру [с. 163–164], который скрывается за «я» в первой ситуации сновидения.

становится образцом для дочери. То есть вы тоже хотели его ждать и предполагали, что он только ждет, когда вы будете достаточно зрелой, чтобы стать его женой¹. Я представляю себе, что это было для вас совершенно серьезным жизненным планом. У вас нет основания утверждать, что такое намерение у господина К. было исключено, и вы достаточно рассказали мне о нем, что непосредственно указывает на такое намерение². Да и его поведение в Л. этому не противоречит. Ведь вы не позволили ему высказаться до конца и не знаете, что он хотел вам сказать. При этом план был бы не таким уж неосуществимым. Отношения папы с госпожой К., которые вы, вероятно, так долго поддерживали только поэтому, давали вам уверенность, что согласие жены на развод будет получено, а у папы вы добьетесь всего, чего захотите. Более того, если бы искушение в Л. имело другой исход, то для всех сторон это было бы единственно возможным решением. Я также думаю, что именно поэтому вы так сожалели о другом исходе и исправляете его в фантазии, проявившейся в виде аппендицита. Поэтому для вас должно было быть тяжелым разочарованием, когда вместо возобновления ухаживаний результатом вашей жалобы стали отрицание и оскорбления со стороны господина К. Вы признаетесь, что ничто другое не может вас привести в такую ярость, как то, что кто-то считает, будто бы вообразили себе сцену на озере. [Ср. с. 121.] Теперь я знаю, о чем вы не хотите вспомнить: вы вообразили себе, что это ухаживание серьезно и господин К. от вас не отступится, пока вы не станете его женой.

Она слушала, не пытаясь по своему обыкновению возражать. Она казалась взволнованной, самым любезным образом попросилась с теплыми пожеланиями к Новому году и — больше не появилась. Отец, который посетил меня еще несколько раз, уверял, что она вернется; по ней видно, что ей очень хочется продолжить лечение. Но, наверное, он не был полностью искренен. Он поддерживал лечение до тех пор, пока мог надеяться, что мне удастся «уговорить» Дору, что между ним и госпожой К. нет ничего, кроме дружбы. Его интерес пропал, когда он заметил, что этот результат

¹ Ожидание, пока не будет достигнута цель, присутствует в содержании первой ситуации сновидения; в этой фантазии об ожидании стать невестой я вижу часть третьего, уже упоминавшегося [с. 167, прим. 1] компонента данного сновидения.

² Особенно слова, которыми в последний год совместной жизни в Б. он сопровождал коробку для писем, подаренную на рождество.

не входит в мои намерения. Я знал, что она не вернется. То, что она столь неожиданно, когда мои ожидания на успешное завершение лечения достигли наивысшей точки, прервала лечение и разрушила эти надежды, было несомненным актом мести. В этом поступке нашла должное место также и ее тенденция к нанесению себе вреда. Тот, кто подобно мне пробуждает злейших демонов, которые не будучи полностью усмирёнными, живут в человеческой груди, чтобы их победить, должен быть готовым к тому, что он и сам не останется невредимым в этой борьбе. Удержал бы я девушку в лечении, если бы сам примирился с ролью, преувеличивал бы ценность ее присутствия для меня и проявлял бы к ней живой интерес, который при всем послаблении из-за моей позиции врача оказался бы все же своего рода заменителем для страстно желаемой ею нежности? Я этого не знаю. Поскольку часть факторов, которые противопоставляют себя в качестве сопротивления, в любом случае остается неизвестной, я всегда избегал играть роли и довольствовался менее притязательным психологическим искусством. При всем теоретическом интересе и всем врачебном стремлении помочь я все же не забываю, что психическому влиянию неизбежно установлены границы, и в качестве таковых уважаю также волю и разум пациента.

Я также не знаю, достиг бы господин К. большего, если бы догадался, что тот удар по лицу отнюдь не означал окончательного «нет» Доры, а лишь соответствовал пробудившейся в конце концов ревности, в то время как сильнейшие побуждения ее душевной жизни по-прежнему были на его стороне. Если бы он пропустил мимо ушей это первое «нет» и продолжил бы свои ухаживания с убеждающей страстностью, то вполне могло получиться так, что увлеченность девушки не посчиталась бы ни с какими внутренними препятствиями. Но я думаю, что, возможно, с такой же легкостью это ее только бы подстегнуло к тому, чтобы еще сильнее удовлетворить на нем свою мстительность. На чью сторону склонится решение в этом споре мотивов, к устранению или к усилению вытеснения, — этого никогда нельзя точно вычислить. Неспособность к исполнению *реальных* требований любви является одной из самых существенных черт невроза; больные охвачены противоречием между реальностью и фантазией. От того, что они больше всего желают в своих фантазиях, они бегут, если это им встречается в действительности, и охотнее всего предаются фантазиям, где им уже не нужно бояться их реализации. Преграда, воздвигнутая вытеснением, может, правда, пасть под натиском сильного, реально

вызванного возбуждения, невроз еще может быть преодолен действительностью. Но в целом мы не можем вычислить, у кого и благодаря чему такое излечение было бы возможным¹.

¹ Еще несколько замечаний о построении этого сновидения, которое нельзя понять настолько основательно, чтобы можно было бы попытаться произвести его синтез. В качестве части, выдвинутой вперед подобно фасаду, можно выделить фантазию о мести отцу: она самовольно ушла из дома; отец заболел, потом умер... Теперь она приходит домой, все остальные уже на кладбище. Она совсем не печальная идет в свою комнату и спокойно читает энциклопедию. Среди этого два намека на другой акт мести, который она действительно осуществила, позволив родителям найти прощальное письмо: письмо (в сновидении — от мамы) и упоминание о похоронах тети, которая была для нее образцом. За этой фантазией скрываются мысли о мести господину К., выход которым она создала в своем отношении ко мне. «Служанка — приглашение — лес — два с половиной часа» восходят к материалу событий в Л. Воспоминание о гувернантке и ее переписке со своими родителями с элементом прощального письма Доры согласуется с письмом, присутствующим в содержании сновидения, которое позволяет ей вернуться домой. Отказ от сопровождения, решение идти одной, пожалуй, можно перевести следующим образом: «Раз ты обошелся со мной, как со служанкой, я оставляю тебя, пойду одна своим путем и не выйду замуж». Скрытый этими мстительными мыслями, в других местах просвечивает материал, состоящий из нежных фантазий, порождаемых бессознательно сохраняющейся любовью к господину К.: «Я буду ждать тебя, пока не стану твоей женой — дефлорация — роды». Наконец, к четвертому, наиболее глубоко скрытому кругу мыслей, к любви к госпоже К., относится то, что фантазия о дефлорации изображается с позиции мужчины (идентификация с почитателем, пребывающим сейчас на чужбине) и что в двух местах содержатся самые явные намеки на двусмысленные слова (господин *** здесь живет?) и на словесный источник ее сексуальных познаний (энциклопедия). Жесткие и садистские побуждения находят в этом сне свое исполнение.

IV ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотя об этом сообщении я известил как о фрагменте анализа, оказалось, что оно неполно в гораздо большей степени, чем можно было бы ожидать исходя из его названия. Пожалуй, будет уместно, если я попытаюсь объяснить эти отнюдь не случайные пропуски.

Ряд результатов анализа опущен, поскольку в момент прекращения работы отчасти они были недостаточно надежными, отчасти нуждались в ее продолжении до получения общего вывода. В других случаях, когда мне это казалось позволительным, я указывал на вероятное продолжение отдельных разгадок. Отнюдь не разумеющаяся сама собой техника, посредством которой только и можно из сырого материала мыслей больного извлечь чистое содержание ценных бессознательных мыслей, здесь мною полностью обойдена, с чем связан тот недостаток, что при таком способе изложения читатель не может удостовериться в корректности моего образа действий. Но я счел совершенно неосуществимым делом обсуждать заодно технику анализа и внутреннюю структуру случая истерии; для меня это было бы почти невозможным достижением, а для читателя стало бы, несомненно, неудобоваримым чтением. Техника требует совершенно отдельного изложения, где она поясняется многочисленными примерами, заимствованными из самых разных случаев, и где можно обойтись без представления результата, полученного в каждом отдельном случае. Я также не пытался здесь обосновывать психологические предпосылки, которые выдают себя в моих описаниях психических феноменов. Беглое обоснование ничего бы не дало; подробное же само по себе было бы отдельной работой. Могу только заверить, что, не будучи обязанным какой-то конкретной психологической системе, я подошел к изучению феноменов, которые раскрывает наблюдение за психоневротиками, и что потом я много корректировал свои мнения, пока они не показались мне пригодными для того, чтобы дать отчет о взаимосвязи выявленного. Я не горжусь тем, что избегал умозрительных рассуждений; однако материал для этих гипотез был получен благодаря самым продолжительным и кропотливым наблюдениям. Возможно, твердость моей позиции в вопросе о бессознательном вызовет осо-

бое недовольство, поскольку я оперирую бессознательными представлениями, течениями мыслей и побуждениями так, словно они были такими же хорошо известными и несомненными объектами психологии, как все сознательное; но я уверен, что тот, кто примется исследовать ту же область явлений с помощью того же метода, не сможет обойтись без того, чтобы не встать на ту же позицию, несмотря на все отговоры философов.

Те коллеги, которые считают мою теорию истерии чисто психологической и поэтому с самого начала признали ее неспособной решить патологическую проблему, наверное, сделают вывод из этой работы, что их упрек, относящийся к технике, неправомерно перенесен на теорию. Только терапевтическая техника является чисто психологической; теория же отнюдь не упускает возможности указать на органическую основу невроза, хотя и не ищет ее в патологоанатомическом изменении, а временно заменяет ожидаемое химическое изменение, выявить которое в настоящее время пока невозможно, органической функцией. Наверное, никто не будет оспаривать у сексуальной функции, в которой я усматриваю основание истерии, как и психоневрозов в целом, свойство органического фактора. Теория сексуальной жизни, как я предполагаю, не сможет обойтись без гипотезы о наличии определенных возбуждающе действующих сексуальных веществ. Ведь среди всех картин болезни, с которыми нас знакомит клиника, ближе всего к истинным психоневрозам стоят интоксикации и абстиненции при употреблении известных хронических ядов¹.

Но то, что сегодня можно сказать о «соматическом содействии», об инфантильных зачатках перверсий, об эрогенных зонах и бисексуальной предрасположенности, я также не изложил в этой работе, а только отметил места, в которых анализ наталкивается на этот органический фундамент симптомов. Большого на примере отдельно взятого случая сделать было нельзя, по упомянутым выше причинам я также избегал беглого обсуждения этих моментов. Здесь имеется более чем достаточный повод к дальнейшим работам, опирающимся на большое число анализов.

Этой в общем и целом неполной публикацией я все же хотел достичь двух целей. Во-первых, в качестве дополнения к моей книге о толковании сновидений показать, как это обычно бесполезное искусство может быть использовано для выявления

¹ [Ср. «Три очерка по теории сексуальности (1905d), *Studienausgabe*, т. 5, с. 120.]

скрытого и вытесненного в душевной жизни; при анализе обоих приведенных здесь сновидений учитывалась также и техника толкования сновидений, которая аналогична психоаналитической. Во-вторых, я хотел пробудить интерес к ряду условий, которые сегодня науке пока еще совсем неизвестны, поскольку их можно раскрыть, лишь применив этот конкретный метод. Об осложнении психических процессов при истерии, сосуществовании самых разнообразных чувств, взаимосвязи противоположностей, вытеснениях и смещениях и о многом другом верного представления, пожалуй, никто не имеет. Подчеркивание Жане *idée fixe* [1894], которая превращается в симптом, означает не что иное, как поистине жалкую схематизацию. Нельзя также удержаться от предположения, что возбуждения, представления о которых лишены способности к осознанию, воздействуют друг на друга иначе, протекают иначе и ведут к другим проявлениям, чем те, которые называются нами «нормальными», чье содержание представлений нами осознается. Если в общем и целом это разъяснено, то уже ничего не препятствует пониманию терапии, которая устраняет невротические симптомы, превращая представления первого вида в нормальные.

Мне также нужно было показать, что сексуальность не просто где-то вмешивается в механизм характерных для истерии процессов подобно откуда-то появившемуся *deus ex machina*¹, а представляет собой движущую силу каждого отдельного симптома и каждого отдельного его проявления. Говоря прямо, проявления болезни — это результат *сексуальной деятельности* больных. Отдельно взятый случай никогда не сможет доказать столь общий тезис, но я могу только вновь повторить, поскольку ни разу не встречал иного, что сексуальность — это ключ к проблеме психоневрозов, как и неврозов в целом. Кто им пренебрегает, тот никогда и не будет способен открыть. Я жду еще новых исследований, которые смогут отменить или ограничить этот тезис. Все возражения, которые мне до сих пор доводилось слышать, являлись выражениями личного недовольства или неверия, которым достаточно противопоставить слова Шарко: «*Çà n'empêche pas d'exister*»².

¹ [Буквально: бог из машины (лат.), то есть неожиданная развязка запутанного дела. — *Примечание переводчика.*]

² [Одна из любимых цитат Фрейда, которая полностью звучит так: «*La théorie c'est bon, mais ça n'empêche pas d'exister*» — «Теория хороша, но она не мешает этому существовать» (фр.).]

Случай, из истории болезни и лечения которого я опубликовал здесь фрагмент, не пригоден также и для того, чтобы показать в правильном свете ценность психоаналитической терапии. Не только малая продолжительность лечения, составившая едва ли три месяца, но и другой присущий этому случаю момент помешали лечению завершиться обычно достигаемым улучшением, признаваемым больным и его родственниками, которое более или менее близко к полному выздоровлению. Такие отрадные результаты достигаются там, где болезненные явления поддерживаются лишь внутренним конфликтом между относящимися к сексуальности побуждениями. В этих случаях можно увидеть, что состояние больных улучшается в той степени, в какой благодаря переводу патогенного материала в нормальный удалось способствовать решению их психических задач. Иначе обстоит дело там, где симптомы служат внешним мотивам жизни, как это было последние два года также у Доры. Возникает недоумение и можно оказаться в полной растерянности, когда узнаешь, что самочувствие больных в результате даже самой продвинувшейся работы существенно не меняется. На самом деле дело обстоит не так плохо; хотя симптомы не исчезли во время работы, но зато они исчезают по прошествии какого-то времени после нее, когда отношения с врачом прекращены. Причиной отсрочки выздоровления или улучшения действительно является persona врача.

Чтобы сделать понятным такое положение вещей, я должен начать издали. Во время психоаналитического лечения образование новых симптомов — пожалуй, можно сказать: закономерно — прекращается. Однако продуктивность невроза отнюдь не угасла; она начинает проявляться в создании особого рода — чаще всего бессознательных — мыслительных образований, которым можно дать название «переносы».

Что же такое переносы? Это переиздания, копирования побуждений и фантазий, которые должны пробуждаться и осознаваться по мере продвижения анализа, с характерной для такой категории заменой прежней персоны персоной врача. Другими словами, вновь оживает целый ряд прежних психических переживаний, но не как принадлежащий прошлому, а как актуальное отношение к персоне врача. Имеются переносы, которые по содержанию ничем не отличаются от своего прототипа, за исключением того, что это — замена. Таким образом — если оставаться в рамках сравнения, — это

просто перепечатки, переиздания без изменений. Другие сделаны более искусно. их содержание подверглось смягчению, *сублимации*, как я говорю, и они даже способны осознаваться, опираясь на какую-либо умело использованную особенность в личности или в обстоятельствах жизни врача. Тогда это уже не перепечатки, а переработанные издания.

Занимаясь теорией аналитической техники, приходишь к пониманию того, что перенос — это нечто, возникающее неизбежно. Во всяком случае, на практике убеждаешься в том, что нет никаких средств, чтобы от него уклониться, и что с этим последним творением болезни нужно бороться так же, как со всеми прежними. Только эта часть работы во многом является самой сложной. Толкованию сновидений, извлечению бессознательных мыслей и воспоминаний из ассоциаций больного и прочим подобным искусствам перевода легко научиться; при этом текст поставляет сам больной. И только перенос приходится разгадывать чуть ли не самостоятельно, отталкиваясь от малозначительных отправных точек и стараясь не допустить произвола. Но обойти его нельзя, поскольку он используется для создания всех препятствий, которые делают материал лечения недоступным, и поскольку чувство убежденности в правильности сконструированных взаимосвязей вызывается у больного только после устранения переноса.

Возможно, кто-то будет склонен считать серьезным недостатком и без того неудобного метода, что из-за создания нового рода болезненных продуктов психики та же самая работа врача усложняется еще больше; быть может, ему даже захочется из факта существования переносов сделать вывод о том, что аналитическое лечение причиняет больному вред. И то, и другое было бы неверно. Вследствие переноса работы для врача не становится больше; ему может быть даже совсем безразлично, преодолел ли он данное побуждение больного благодаря своей персоне или персоне кого-то другого. Но лечение также не навязывает больному с переносом никаких новых действий, которых бы он не совершал обычно. Если лечение невротиков осуществляется также в лечебницах, где психоаналитическая терапия исключена, если можно было говорить, что истерия излечивается не благодаря методу, а благодаря врачу, если обычно возникает своеобразная слепая зависимость и прочная привязанность больного к врачу, избавившему его с помощью гипнотическо-

го внушения от симптомов, то научное объяснение всего этого следует искать в «переносах» на персону врача, которые больной регулярно предпринимает. Психоаналитическое лечение не создает переноса, оно лишь раскрывает его, как и остальное скрытое в душевной жизни. Различие выражается только в том, что больной спонтанно пробуждает в ходе своего лечения лишь нежные и дружеские переносы; там, где этого быть не может, он быстро, насколько это возможно, сбегает от врача, который ему «несимпатичен», не испытав его влияния. И наоборот, в психоанализе в соответствии с изменившейся структурой мотивов пробуждаются все чувства, в том числе и враждебные, посредством осознания они используются для анализа, и при этом перенос снова и снова уничтожается. Перенос, предназначенный стать наибольшим препятствием для психоанализа, становится самым мощным его вспомогательным средством, если удастся каждый раз его разгадать и перевести больному¹.

Я был вынужден сказать о переносе, потому что особенности анализа Доры я в состоянии объяснить только этим моментом. То, что составляет его достоинство и позволяет его считать пригодным для первой, вступительной публикации, его особая наглядность, тесно связано с его большим недостатком, приведшим к его преждевременному окончанию. Мне не удалось вовремя совладать с переносом; из-за готовности, с которой Дора во время лечения предоставляла в мое распоряжение часть патогенного материала, я забыл об осторожности, необходимости обращать внимание на первые признаки переноса, который она подготавливала с помощью другой, оставшейся для меня неизвестной части того же самого материала. Вначале было ясно, что в фантазии я заменял ей отца, что также было естественно при разнице в нашем возрасте. Она постоянно сознательно сравнивала меня с ним, пыталась в тревоге удостовериться, вполне ли я с ней откровенен, ибо отец «всегда предпочитал таинственность и окольный путь». Когда затем появилось первое сновидение, в котором она предупреждала себя, что оставит лечение, как в свое время покинула дом господина К., мне следовало самому прислушаться к предостережению и сказать ей в укор: «Сейчас вы сделали перенос с господина К. на меня. Вы что-то заметили, что позволяет вам сделать вывод о недобрых на-

¹ [Дополнение, сделанное в 1923 году:] То, что здесь говорится о переносе, находит затем свое продолжение в технической статье, посвященной «любви в переносе».

мерениях, подобных намерениям господина К. (прямо или в какой-нибудь сублимации), или что-то во мне бросилось вам в глаза или вам что-то обо мне стало известно, что вынуждает ваше нерасположение, как ранее с господином К.?» Ее внимание было бы тогда обращено на какую-то деталь в нашем общении, в моей личности или в моих отношениях, за которой скрывалось нечто подобное, но несравнимо более важное, касающееся господина К., а благодаря устранению этого переноса анализ получил бы доступ к новому, вероятно, действительному материалу воспоминаний. Но я пропустил мимо ушей это первое предостережение, полагая, что впереди достаточно времени, поскольку другие ступени переноса не установились, а материал для анализа еще не иссяк. В результате перенос застал меня врасплох, и из-за X, которым я напоминал ей господина К., она отомстила мне так, как ей хотелось отомстить господину К., и покинула меня, поскольку считала, что обманута и покинута им. Таким образом, она *проиграла* важную часть своих воспоминаний и фантазий, вместо того чтобы воспроизвести их в ходе лечения. Разумеется, я не могу знать, что это был за X; я подозреваю, что это относилось к деньгам или было ревностью к другой пациентке, которая после своего выздоровления продолжала общаться с моей семьей. Там, где переносы включаются в анализ слишком рано, его течение становится неясным и замедляется, но он более защищен от внезапных неотразимых сопротивлений.

Во втором сновидении Доры перенос представлен несколькими отчетливыми намеками. Когда она мне его рассказала, я еще не знал, а узнал только двумя днями позже, что нам осталось работать всего *два часа*, то же самое время, которое она провела перед изображением Сикстинской мадонны [с. 164] и которое посредством корректировки (два часа вместо двух с половиной) сделала мерой не пройденного ею пути вокруг озера [с. 166]. Стремление и ожидание в сновидении, относившиеся к молодому человеку в Германии и происходившие от ее ожидания, что господин К. на ней женится, проявились еще несколько дней назад в переносе: лечение длится слишком долго, у нее не хватит терпения так долго ждать, тогда как в первые недели она с достаточным пониманием выслушала мое заявление, что полное выздоровление займет примерно год, без подобного возражения. Отказ в сновидении от сопровождения — она лучше пойдет одна, — который также происходил от посещения Дрезденской галереи, я должен был испытать в предназначенный для этого день. Наверное, он имел следующий смысл:

«Раз все мужчины столь омерзительны, лучше уж мне вообще не выходить замуж. Такова моя месть»¹.

Там, где импульсы жестокости и мотивы мести, которые уже в самой жизни использовались для сохранения симптомов, во время лечения перенеслись на врача, когда у него не было времени их отделить от себя, сведя их к настоящим источникам, нельзя считать удивительным, что его терапевтические усилия на самочувствие больных не влияют. Ведь как иначе больная могла отомстить более действенно, как не демонстрацией на себе того, насколько бессилён и неспособен врач? И все же я не склонен недооценивать терапевтическую ценность даже такого фрагментарного лечения, каким было лечение Доры.

Лишь через пятнадцать после окончания терапии и этой записи я получил сообщение о самочувствии моей пациентки и тем самым о результате лечения. 1 апреля — эта дата не совсем безразлична, ведь мы знаем, что периоды времени никогда не были для нее несущественными — она появилась у меня, чтобы закончить свою историю и снова попросить о помощи. Но одного взгляда на выражение ее лица мне было достаточно, чтоб догадаться, что с этой просьбой дело не обстояло серьезно. Оставив лечение, она еще четыре или пять недель находилась, по ее словам, в «разобранном состоянии». Затем наступило значительное улучшение, приступы стали реже, поднялось настроение. В мае минувшего года у супругов К. умер ребенок, который все время хворал. Этот пе-

¹ Чем дальше по времени я удаляюсь от завершения этого анализа, тем вероятнее кажется мне, что моя техническая ошибка состояла в следующем упущении: я своевременно не разгадал и не сообщил больной, что гомосексуальное (гинекофилическое) любовное чувство к госпоже К. было наиболее сильным из всех бессознательных течений ее душевной жизни. Я должен был догадаться, что не кто иной, как эта женщина, могла быть главным источником ее знаний в сексуальных вопросах, тот самый человек, который затем ее обвинил в интересе к подобным вещам. Ведь было слишком странно, что она знала о всех непристойностях и никогда не хотела узнать, откуда она это знала [Ср. с. 108]. Я должен был исходить из этой загадки, искать мотив этого своеобразного вытеснения. Тогда второе сновидение выдало бы мне его. Беспощадная мстительность, которую выразил этот сон, как ничто другое подходила для того, чтобы скрыть противоположное течение, благородство, с которым она простила предательство любимой подруги и скрыла от всех, что та сама сделала ей те открытия, знание которых было использовано затем для ее обвинения. Прежде чем мне стало понятным значение гомосексуального течения у психоневротиков, часто бывало так, что лечение пациентов застопоривалось или я приходил в полное замешательство.

чальный случай послужил ей поводом для визита к К., чтобы выразить соболезнования. Они приняли ее так, словно за эти три последние года ничего не произошло. Она примирилась с ними, выместила свою злость и завершила дело к собственному удовлетворению. Жене она сказала: «Я знаю, что у тебя связь с папой», — и та этого не отрицала. Мужа она заставила сознаться в сцене на озере, которую он оспаривал, и доставила это оправдывающее ее сообщение своему отцу. Больше с этой семьей она не общалась.

Затем до середины октября с ней обстояло все хорошо; в это время снова возник приступ афонии, продолжавшийся шесть недель. Удивленный этим сообщением, я спрашиваю, был ли для этого повод, и слышу, что приступ случился после сильного испуга. Ей довелось увидеть, как кто-то попал под коляску. В конце концов она созналась, что несчастный случай произошел не с кем иным, как господином К. Однажды она увидела его на улице; он встретился ей в оживленном месте, остановился перед ней в замешательстве и в таком отрешенном состоянии был сбит коляской¹. Впрочем, она убедилась, что все обошлось для него без существенного вреда. В ней до сих пор что-то шевелится, когда она слышит разговоры об отношениях папы и госпожи К., в которые обычно она больше не вмешивается. Она живет своей учебой и выходить замуж не собирается.

Моей помощи она искала из-за правосторонней невралгии тройничного нерва, сохранявшейся теперь днем и ночью. С какого времени? «Прошло ровно четырнадцать дней»². Я был вынужден улыбнуться, потому что мог изобличить ее в том, что ровно четырнадцать дней назад она прочитала в газете относившееся ко мне сообщение, что она и подтвердила (1902)³.

Таким образом, мнимая невралгия тройничного нерва соответствовала самонаказанию, раскаянию из-за пощечины, которую она тогда дала господину К., и из-за перенесенной оттуда на меня мести. Какого рода помощь она хотела от меня получить, я не знаю, но я обещал ей простить, что она лишила меня удовлетворения от гораздо более основательного избавления ее от недуга.

¹ Любопытный пример косвенных попыток самоубийства, обсуждавшихся в моей «Психопатологии обыденной жизни» [1901b, глава VIII].

² См. о значении этого срока и его отношении к теме мести в анализе второго сновидения [с. 171 и далее].

³ [Это сообщение, несомненно, касалось присвоения Фрейдом звания экстраординарного профессора в марте этого года.]

Между тем прошли годы после визита ко мне. С тех пор девушка вышла замуж, причем, если меня не обманывают все признаки, за того молодого человека, который упоминался в мыслях в начале анализа второго сна¹. Если первое сновидение обозначало поворот назад от любимого мужчины к отцу, то есть бегство из жизни в болезнь, то этот второй сон возвещал, что она отделяется от отца и возвращается к жизни.

¹ [С. 163–164. В изданиях 1909, 1912 и 1921 годов в этом месте находилось следующее примечание: «Как я узнал позднее, это предположение было ошибочным»].